

63. (1924)
H87

АРХЕОЛОГИЯ
И ТРАДИЦИОННАЯ ЭТНОГРАФИЯ
НАРОДОВ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Грозный 1992

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО СРОКА

Кол-во пред. выдан.

8/VII - 42

6/VII - 1930

7/XI - 1538

63.4(24ч)/+63.5(24ч)

НОХЧИЙН РЕСПУБЛИКАН ГУМАНИТАРНИ
ИИЛМАНИЙН ТАЛЛИАМИЙН ИНСТИТУТ

63.4(24ч)
A87

НОХЧ-ГИАЛГИАЙЧОБНАН
КЪАЬМНИЙН ШИРА
ЭТНОГРАФИ

6/4

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ЦГБ г.ГРОЗНОГО
364051 г.Грозный, пр. Победы 22

364051 ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
г. ГРОЗНЫЙ пр. ПОБЕДЫ 22
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Сольжа-Гала
1992

АРХЕОЛОГИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Грозный 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новый сборник отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук Чеченской Республики отражает основную проблематику научных интересов его сотрудников — археологов, сосредоточивших свое внимание на средневековой эпохе, в которую уходят корнями основные традиции материальной культуры и духовной жизни народов Чечено-Ингушетии и этнографов, изучающих эти же явления на основе материалов XIX—XX столетий.

Археологическая часть сборника открывается публикацией Е. И. Нарожного и Д. Ю. Чахкиева, в которой рассматриваются материалы раскопок двух подземных склепов (в целом малоизученных) известного Шуанского могильника в горной Ингушетии. Интерес представляет сохранившийся погребальный обряд с достаточно точной датировкой. В статье Р. А. Даутовой и Х. М. Мамаева вводятся в оборот результаты исследования одного из интересных башенных поселков Малхистинского общества горной Чечни — Коротохского замкового комплекса и склепового могильника. В статье Д. Ю. Чахкиева излагаются результаты раскопок позднего башнеобразного склепа редко встречающейся конструкции — с подземной погребальной камерой у горного ингушского поселка Цори.

Этнографическая часть сборника включает две статьи. Н. Н. Великая, Р. А. Даутова, С.-М. А. Хасиев собрали и рассмотрели в сравнительном плане интересные материалы о представлениях и обрядах вайнахов и казачьего (терского) населения Чечено-Ингушетии, связанные с жилищем, его строительством и использованием. В статье З. И. Хасбулатовой и С.-М. А. Хасиева излагаются наблюдения по некоторым основным вопросам этнопедагогики, обобщаются материалы, собранные ими в ходе многолетних полевых исследований.

Отмеченная выше ориентированность при составлении сборника отразилась на широте охвата актуальных проблем археологии и этнографии Чечено-Ингушетии, что в определенной мере компенсируется новизной публикуемых материалов и регулярностью выхода самих сборников, позволяющей в дальнейшем рассчитывать на освещение незатронутых в данном случае вопросов археологии и этнографии края.

Полагаем также что широкий круг читателей найдет, как всегда в очередном сборнике отдела археологии и этнографии (и. о. зав. отделом З. И. Хасбулатова) интересные и полезные сведения, расширяющие научные представления о прошлом родного края.

Авторский коллектив и редколлегия выражают свою признательность рецензенту — доценту кафедры всеобщей истории Госуниверситета ЧР М. Х. Багаеву, взявшему на себя апробацию сборника перед сдачей его в печать.

Ответственный редактор

Е. И. Нарожный, Д. Ю. Чахкиев

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ XIV ВВ. ВЫСОКОГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

В последние годы заметно вырос интерес к различным аспектам материальной и духовной культуры населения высокогорной зоны края, особенно на историческом отрезке XIII—XIV вв. В значительной степени этому способствовал ряд объективных обстоятельств, среди которых особенно следует выделить интенсивный рост археологического материала, связанного с проведением широкомасштабных новостроечных работ. Продолжая серию публикаций нового материала, полученного в ходе этих работ¹, настоящая статья ставит цель введения в научный оборот еще двух подземных усыпальниц с территории хорошо известного средневекового Шуанского («Мохде») некрополя в Джейраховском ущелье (Назрановский район ЧИР) в высокогорной Ингушетии (см. например: 1, с. 101—106; 2, с. 15—71; 3, с. 28—48; 4, с. 49—79; 5, с. 80—100; 6 с. 23—35; 7, с. 136—139; 8, с. 11—14; и др.).

Подземный склеп № 25². Подземная усыпальница была расположена в крутом горном склоне на юго-восточной окраине могильника. На дневной поверхности практически не выделялась ничем, кроме как проломом в верхней части фасадной стены, который обозначал собственно фасад (рис. 1). Пролом, вероятно, образовался в результате сползания грунта вниз по склону, либо в результате ограбления склепа. Рядом с проломом, непосредственно на оконечности перекрытия склепа был установлен вертикальный массивный камень из песчаника. Он, по всей видимости, и служил «ориентиром» фасадной части склепа.

После разбивки небольшого раскопа и расчистки усыпальницы было установлено следующее.

Сооружение, отличающееся своей оригинальностью, было

¹ Работы проводились археологической лабораторией ЧИГУ [7, с. 136—139].

² Нумерация склепов была произведена в 1982 году [2, с. 15, рис. 1] во время работ отряда во главе с Р. А. Даутовой при непосредственном участии и авторов данной публикации [9, с. 117].

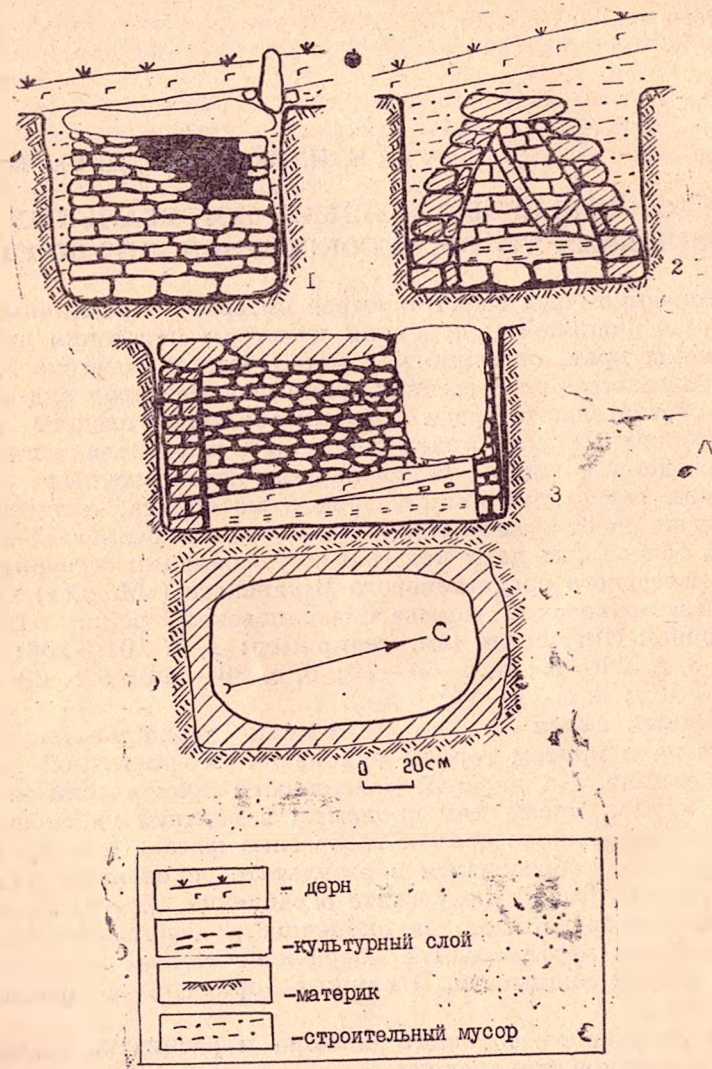

Рис. 1. Подземный склеп № 25 Шуанского некрополя.
1 — «фасадная» часть склепа (вид с ЮВ); 2 — поперечный разрез склепа; 3 — продольный разрез склепа; 4 — план.

небольших размеров, представляло собой конструкцию под-прямоугольной формы, заделанную с плитами-перекрытиями в материковый грунт. Длинной осью камера вытянута по линии с севера на юг (с небольшим отклонением к западу). Фасадная часть находилась с южной стороны и представляла собой глухую стенку без специально оформленного входного проема-лаза. Все четыре стенки гробницы сложены довольно тщательно из грубо отесанных, но хорошо подогнанных «вперевязку» камней на известковом(?) растворе. Сверху, начиная с верхних рядов фасадной стены, гробница перекрыта четырьмя крупными и довольно массивными песчаниковыми плитами. Плиты также грубо отесаны и подогнаны друг к другу, уложены поперек длинной оси склепа. Первая плита (над фасадом) отсутствовала, однако, в отличие от остальных, она (судя по деталям оформления верхних рядов стенок) укладывалась таким образом, что в случае необходимости, легко снималась. Тем самым открывался проем, дававший возможность проникнуть внутрь без особых затруднений. Последняя (у задней стены склепа) плита перекрытия была сломана почти в центральной части и провалилась внутрь погребальной камеры.

При расчистке склепа удалось проследить весь процесс его сооружения. Первоначально, как нам представляется, в материковом грунте выбирался «котлован» подпрямоугольной формы, вдоль его стен складывались стенки будущей гробницы, сооружение перекрывалось плитами. Склеп был сооружен без входного проема — лаза. Поэтому последующие захоронения в склеп производились лишь после снятия верхней плиты перекрытия.

Изнутри сооружение представляло собой прямоугольную в плане постройку с закругленными углами и с заметным расширением в центральной части. Камни длинных стен, постепенно выступая, образовали ложный свод. Размеры камеры: длина — 1,80 м, ширина в центральной части — 0,70 м, у коротких стен — 0,60 м, высота — 0,78 м, толщина стен у основания — до 0,50 м.

Внутреннее пространство погребальной камеры было покрыто небольшим слоем гумуса, под которым у задней стенки отмечена прослойка мешанного гумуса с галькой (от засыпки над перекрытием — ?). По большей части площади гумус перекрывал культурный слой, содержащий костные останки и сопровождавший погребальный инвентарь.

В ходе зачистки внутреннего пространства склепового сооружения выяснилось, что наиболее насыщенным культурным напластованием являлось пространство вдоль западной стенки, где удалось проследить уже перемешанные останки от четырех погребенных (трех взрослых и одного ребенка). От них сох-

Рис. 2. Инвентарь Шуанского склепа № 25 (1—3 — глина, 4—5 — дерево, 6—7 — железо).

ранились поврежденные черепа, полуистлевшие тазовые, бедренные и берцовые, плечевые кости, фрагменты и целые позвонки, кости грудных клеток, фаланги пальцев и др. По-видимому, все погребенные были уложены на основание камеры (пол) вытянуто на спине, головой на север, т. е. ногами к пролому (открывавшейся плите). Последовательность совершения захоронений (двух мужчин в возрасте 40—45 и 20—25 лет, женщины 30—35 лет и ребенка) установить невозможно. Вдоль западной стенки склепа, попеременно с костными останками был расчищен и сопровождающий инвентарь:

1. Крупные фрагменты деревянной основы (рукояти, рога с вырезом для тетивы и плечи) от двух сложносоставных луков (рис. 2, 4—5, рис. 3, 2—7, рис. 4, 3—4, рис. 6, 1). У большинства из них отмечаются многочисленные, продольно расположенные бороздки-насечки для крепления сухожилий и роговых накладок. Один фрагмент (рис. 3, 6) от детского (?) лука с основой круглой в плане.

2. Четыре фрагмента от одного красноглиняного сосуда хорошего качества (рис. 2, 1—3, рис. 3, 1). Венчик (рис. 3, 1) с валиком по внешнему краю. Фрагменты стенок (рис. 2, 1—3) декорированы врезанными волнистыми и прямыми линиями. Тесто хорошо отмучено, ровного прокала, заметны мелкие включения зерен белесового цвета.

3. Поврежденные (отсутствует половинка лезвия) железные пружинные ножницы (для стрижки овец), (рис. 2, 6).

4. Железный колпачок — навершие рукояти ножа (?) (рис. 6, 2).

5. Две бронзовые подвески в виде несомкнутого кольца с расплюснутыми концами, в которых пробиты сквозные круглые отверстия (рис. 6, 6).

6. Железный однолезвийный черенковый боевой нож с плавно сходящимися к острию спинкой и лезвием, с железной обоймой на рукояти (рис. 2, 7). Его размеры: общая длина — 37 см, длина клинка — 27,8 см, ширина клинка у черенка — 2,6 см, толщина спинки — 0,6 см. Острие ножа повреждено, деревянные обкладки рукояти и ножен истлели. От последних сохранился железный наконечник (рис. 6, 10), размером 5,5х2,2 см.

7. Железный колчаный крюк (рис. 6, 11) оригинальной конструкции.

8. Две деревянные миски токарной работы (рис. 6, 9, 12) высотой 7,6 и 5,9 см. Диаметры: венчика — 14 и 11,6 см, дна — 5,6 и 6,1 см. Венчики четко профилированы и имеют утолщения по краю. Сбоку венчика одной из мисок (рис. 6, 12) просверлено округлое отверстие.

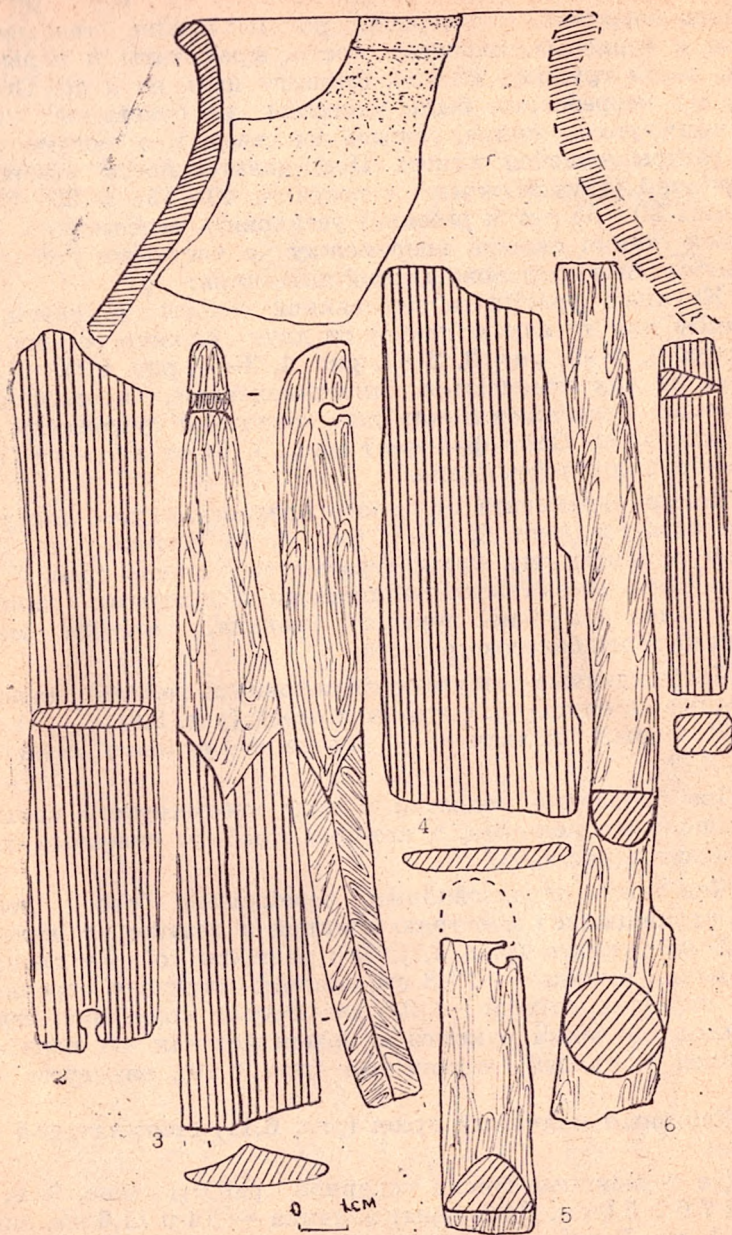

Рис. 3. Находки из склепа № 25 Шуанского некрополя (1 — глина, 2—7 — дерево).

9. Бронзовый литой распределитель от узды с тремя отверстиями (рис. 6,9).

10. Железный черенковый однолезвийный нож (рис. 6, 13). Сильно поврежден. Общая длина — 11,7 см, длина клинка — 7,3 см, ширина клинка у черенка — 1,7 см. Толщина спинки — 0,4 см. Черенок отделен от клинка железной обоймой. На поврежденном черенке сохранились следы от деревянной обкладки рукояти. Ножны, вероятно (судя по тлену на лезвие), также были деревянными.

11. Железное кольцо (рис. 6, 7), круглое в сечении.

12. Железная пряжка округлой формы с подвижным «язычком» (рис. 6,3) размером: 3,4х3,4 см.

13. Железный распределитель от конской узды (рис. 6,4).

14. Две однотипные бронзовые височные подвески в виде несомкнутого кольца с колонкой зерни и полый бусиной, в нижней части декорированной зернью в виде «грозди» (рис. 6,5).

15. Железный черенковый однолезвийный нож (рис. 4,1). Его общая длина — 19,9 см, длина клинка — 14,0 см, ширина лезвия — 2,3 см (у черенка), толщина спинки — 0,4 см. Черен плавно изогнут в сторону спинки.

16. Железные щипчики-пинцет с кольцом для подвешивания (рис. 4,2). Общая длина 14 см.

17. Фрагмент деревянного древка стрелы (рис. 4,5) длиной 16,5 см, диаметром 0,8 см.

Подземный склеп № 189¹ был обнаружен на северной окраине могильного поля. На дневной поверхности ничем не выделялся. Единственным признаком, указывавшим на его существование, являлось небольшое углубление, сбоку которого (в западной части) виднелась поверхность камня, как выяснилось позже, установленного вертикально. Здесь и был произведен небольшой раскоп, выявивший эту подземную склеповую постройку.

В ходе расчистки был открыт верх перекрытия склепа и его фасадная часть (юго-восточная стенка). Последняя располагалась со стороны склона и представляла собой глухую стенку, сложенную из грубо отесанных, но хорошо подогнанных друг к другу («вперевязку») камней на известковом растворе. Кладка возвышалась в восемь рядов, девятый (верхний) представлял собой крупную и массивную плиту из песчаника, легко (в отличие от остальных плит перекрытия) снимавшуюся и

¹ Еще Л. П. Семенов указывал на наличие на Шуанском могильнике: «не менее сотни склепов [10, с. 48]. В 1982 году их было пронумеровано 188 [2, с. 15]. Публикуемая гробница в их число не вошла, поэтому обозначена следующим порядковым номером. В целом же, на некрополе, к настоящему времени насчитывается более 250 склепов [1, с. 106; 6, с. 23].

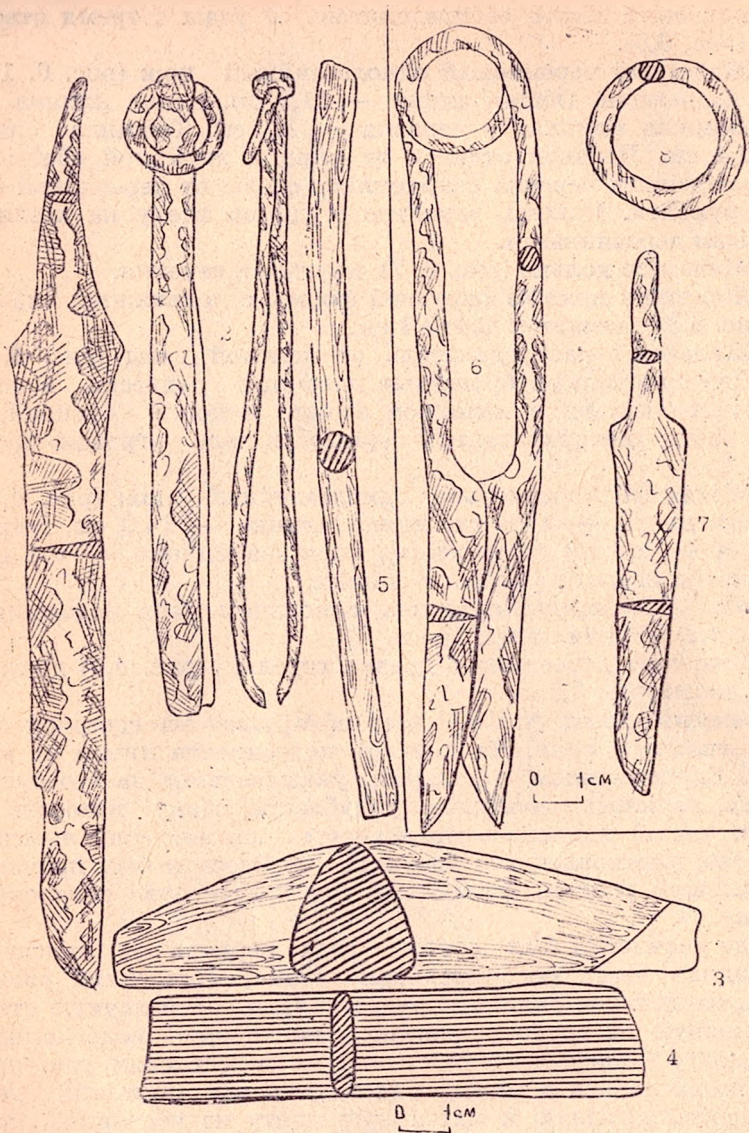

Рис. 4. Погребальный инвентарь Шуанских склепов № 25 и № 189
(1—5 — инвентарь склепа № 25; 6—8 — инвентарь склепа № 189; 1—2, 6—8 — железо, 3—4 — дерево).

крепившуюся. Фасадная часть склепа, как и у предыдущей постройки, не располагала специально оформленным входным проемом — лазом. Это обстоятельство ставит данную постройку в один ряд с вышеописанным склепом № 25. Вертикально установленный камень, вероятно, обозначал на поверхности месторасположение подвижной (первой) плиты перекрытия.

Склеп подпрямоугольной формы, углами ориентирован по сторонам света так, что длинная ось его вытянута по линии с северо-запада на юго-восток с небольшим отклонением (рис. 5).

Изнутри погребальная камера представляла собой подпрямоугольное сооружение с закругленными углами. Здесь у стен, на засыпке находились фрагменты раствора, выпавшие из швов между камнями стенок. Размеры погребальной камеры: длина — 2,30 м, ширина — 0,90 м, высота от основания до перекрытия — 0,80 м. Толщина стен у основания — до 0,5 м. Камера имеет ложносводчатое очертание. Внутреннее пространство подземного склепа было засыпано. Особенно мощной засыпка была у фасадной части: грунт попадал сверху через имевшиеся здесь отверстия с обеих сторон подвижной плиты перекрытия. Засыпка представляла собой слой гумуса, прослойку грунта с галькой под ним. Все это перекрывало культурные напластования. В результате расчистки погребальной камеры, здесь были обнаружены два захоронения.

Погребение № 1

Принадлежало взрослой женщине, костяк которой был зафиксирован в полном анатомическом порядке: уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад, с отклонением к северу (рис. 5,4). Длина костяка — 1,60 м. Он частью истлел (половина черепа, кости грудной клетки, правой руки и др.). Левая рука костяка немного согнута в локте, кистью на тазовых костях (?). Правая рука, насколько это можно судить по расположению остатков тлена, покоилась вдоль туловища. Ноги были вытянуты, пяточными костями вместе (стопы разведены), пяточные кости при этом упирались в стенку склепа. Фаланги пальцев верхних и нижних конечностей не сохранились. Под костяком прослежена органическая подстилка темно-коричневого цвета подпрямоугольной формы длиной 1,84 м, шириной 0,18 м. Мощность (толщина) подстилки не превышала 1,5 см по всей площади.

В области шейных позвонков (севернее второго верхнего) костяка была отмечена серебряная пробитая монета, определенная профессором МГУ Г. А. Федоровым-Давыдовым. Монета чеканена от имени Джанибека в Сарае-ал-Джедиде в 743 г. х. (1342/1343 годах).

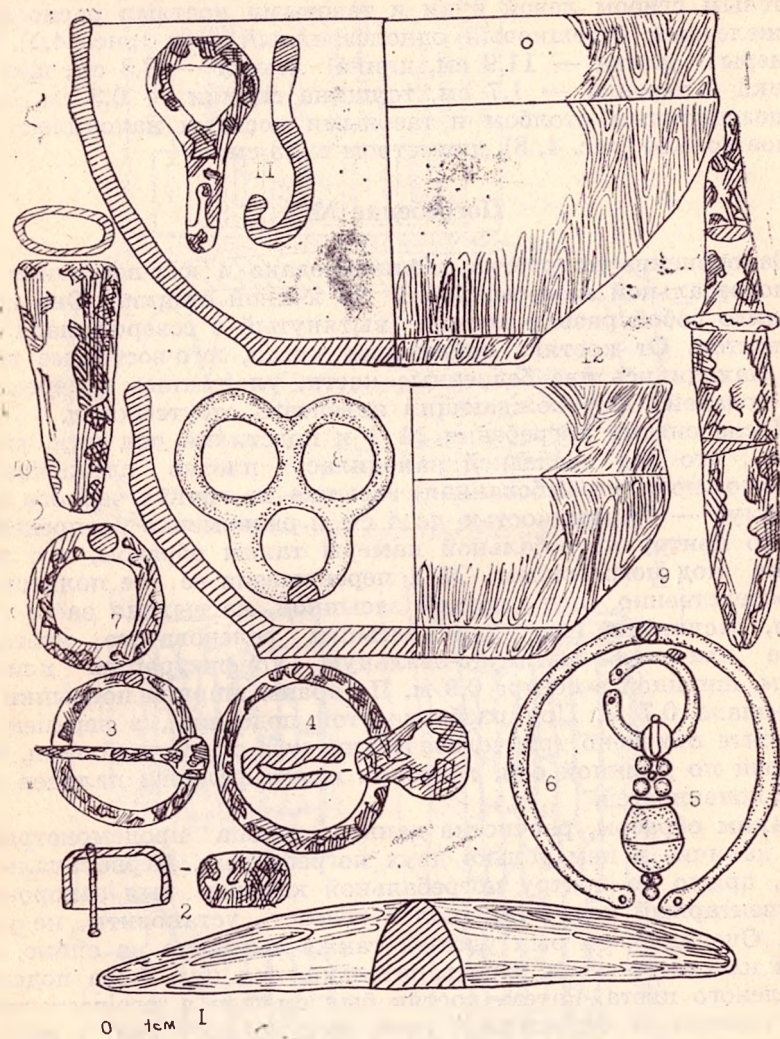

Рис. 6. Инвентарь склепа № 25

1, 9, 12 — дерево, 2—4, 7, 10—11, 13 — железо, 5—6, 8 — бронза.

реконструируется порядок и очередность погребального ритуала в данной усыпальнице.

В целом же, обе вводимые в научный оборот усыпальницы Шуанского некрополя вполне выразительны и информативны. Они относятся к числу подземных, хотя последние, в подавляющем большинстве известны наличием в них специально оформленных входных проемов-лазов (см. например: 10, с. 19—20; 11, с. 78—80 и др.). Несмотря на небольшие размеры, данные усыпальницы тем не менее отличаются от каменных ящиков, среди которых имеется целая серия сложенных по принципу склепов (стенки из камней «вперевязку», мощные перекрытия и пр.). Однако у каменных ящиков отсутствует такая деталь как сводчатость.

Датировка подземных склеповых сооружений на Северном Кавказе определяется по-разному: от V до XIV вв., в рамках VIII—IX, IX—X и «позднее до XIV вв.» (10, с. 19—20, 11, с. 81; 12, с. 55; 13, с. 157; 14; 16; 19 и др.). Но при этом, практически всеми исследователями отмечается существование подземных усыпальниц в XIV—XV вв., что подтвердили археологические работы на Шуанском могильнике (2, с. 69; 6). Датировка же наших склепов, как представляется, укладывается в небольшой хронологический отрезок времени. Так, наличие золотоордынской монеты в склепе № 189 датирует весь комплекс временем не ранее середины второй половины XIV в.¹ Находки же из подземного склепа № 25, в целом, довольно типичны для погребальных комплексов горной Чечено-Ингушетии золотоордынского времени (1—5; 17; 20 и др.). Однако две характерные бронзовые подвески (рис. 6, 5) позволяют несколько уточнить датировку: подобные образцы украшений встречены в материалах, датированных XIV — началом XV в. Здесь следует отметить и тот факт, что подземные склепы без входных проемов — лазов были открыты и в горной Чечне (12, с. 43—48). Однако они датированы более ранним временем и разнятся с нашими в планиграфическом отношении. Среди близких аналогий можно привести и несколько построек из соседней Грузии (29), но они отличаются тем, что у них есть специально оборудованные лазы.

¹ Общепринято использование нумизматических материалов в качестве опорных критериев в определении хронологии и датировок в археологии (в том числе и северокавказской) (15, с. 109—134; 16, с. 64—89; 18; 22—26 и др.). Однако при исследовании и использовании чингизидских (как джучидских, так и хулагуидских) монет необходимо знать возможное время хождения их в системе обращения чингизидов (учитывая все закономерности и особенности), а также время, когда монеты изымались из обращения и различными путями попадали в горы, где они какое-то время еще использовались, но в ином функциональном назначении (15; 16; 22—23; 27; 28 и др.).

Пожалуй впервые (после В. И. Долбежева), нам удалось зафиксировать сохранившийся обряд в склеповой усыпальнице. Само положение костяка вдоль длинной оси камеры, убеждает в том, что и в других склеповых сооружениях погребенные располагались аналогичным образом, а поскольку гробницы имели разное направление, вероятно, ориентировка погребенных в них варьировала. По-крайней мере, на эту мысль наталкивает осмотр значительного количества склеповых усыпальниц горной Ингушетии XIII—XV вв. Складывается впечатление, что в то время для погребавшихся в склепах, ориентировка строго не регламентировалась. Судя по всему, главную роль здесь играли иные факторы. И если посмотреть на общий план Шуанского могильника, то видно, что все склепы (не только подземные, но и полуподземные, и наземные) группируются вокруг двух вершин холмов, вписанные в них со стороны склонов. И хотя причина такой группировки до конца не ясна, данное обстоятельство характерно не только для Шуанского склепового могильника. Скорее всего, здесь имеем дело с религиозными воззрениями, тем более, что на одной из вершин холма некогда находилась и культовая постройка-святилище.

Таким образом, обе исследованные подземные усыпальницы, значительно расширяя источниковую базу, одновременно ставят и новые вопросы. Однако, их успешное решение зависит, прежде всего от разработки дробной хронологической шкалы вещевых комплексов. Типологическая классификация последних, типологическая дифференциация и прочее, как представляется, наметят основные направления в деле дальнейшего и более углубленного изучения как склеповой архитектуры в частности, так и горных древностей края в общем. Только тогда появляется новые возможности для изучения динамики развития склеповой архитектуры, будут сгруппированы погребальные сооружения, наметятся пути возможной интерпретации синхронного многообразия типов погребальных сооружений горной зоны края XIII—XV вв. Но, прежде всего, необходимо дальнейшее исследование древностей горной Ингушетии и, в первую очередь — уникального в своем роде могильника «Мохде», что даст основание и для решения вопросов о внутренней структуре вайнахских обществ рассматриваемого времени (место и роль семьи, фамилии, их социально-экономической значимости, общественном статусе (30) и т. д.). Параллельная разработка этих тем (хотя во многом это находится в прямой зависимости и от археологической части источников) откроет новые возможности и перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чаккиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
2. Даутова Р. А., Мамаев Х. М., Нарожный Е. И., Чаккиев Д. Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (по результатам раскопок Шуанского могильника) — // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
3. Даутова Р. А. Новые данные о средневековых памятниках горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.
4. Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чаккиев Д. Ю., Даутова Р. А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии) — // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.
5. Чаккиев Д. Ю. Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.
6. Чаккиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Новые археологические материалы золотоордынского времени из горной Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.
7. Виноградов В. Б., Бурков С. Б., Дударев С. Л., Нарожный Е. И., Савенко С. И., Хашегульгов Б. М. Первые результаты хозяйственных работ археологической лаборатории университета // Толстовские чтения. Тез докл. конф. Грозный, 1989.
8. Виноградов В. Б. Актуальные проблемы древней и средневековой истории Чечено-Ингушетии. (По итогам работ археологической лаборатории в 1986—1990 гг.) — // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Тез. докл. конф. Грозный, 1990.
9. Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии // АО 1982 года. М., 1984.
10. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
11. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
12. Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Новые данные о средневековых подземных склепах Чечено-Ингушетии // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
13. Тменов В. Х. К истории изучения склеповой культуры Северного Кавказа // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. I. Грозный, 1978.
14. Семенов Л. П. Отчет об экспедиционной работе Ингушского научно-исследовательского института краеведения в 1928 году // Архив ЛОИА АН СССР, ф. I, оп. I, д. № 181.
15. Виноградов В. Б. Нумизматические данные и материалы в проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.
16. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // Изв. СКИЦВШ, Ростов-на-Дону. 1977, № 1.
17. Мамаев Х. М., Чаккиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
18. Потин В. М. Введение в нумизматику // Тр. ГЭ, вып. XXVI, т. 6. Л., 1986.

19. Ивах Л. А. Развитие дольменных традиций в памятниках средневековья на Кавказе // Тез. докл. и сообщ. Третьей Зональной Северокавказской Олимпиады по археологии и краеведению. Грозный, 1991.

20. Чажкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Погребение знатного горского воина нач. XV века из сел. Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.

21. Крамаровский М. Г. Кавказские находки итальянского стекла (К характеристике торгового пути «Венеция—Лигурия — Крым — Северный Кавказ в XV в.») // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.

22. Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный, 1982.

23. Виноградов В. Б., Депуева А. Д. Старинные монеты — свидетели прошлого. Нальчик, 1990.

24. Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // ИЭ, т. IV М., 1984.

25. Виноградов В. Б., Березин Я. Б., Савенко С. Н. О чем рассказывают монеты // Ставрополь 1983, № 4.

26. Беляков А. С. Нумизматика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., МГУ, 1990.

27. Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII—XIV вв. // Тез. докл. по археологии Кавказа: Городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных). Тбилиси, 1988.

28. Даутова Р. А. Функции арабоязычных монет в погребальных комплексах // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1978.

29. Джорбенадзе В. А. Подземные склепы Арагвского ущелья // XV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.

30. Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИ, 1980, № 3.

Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев

КОРОТОХСКИЙ ЗАМОК В ГОРНОЙ ЧЕЧНЕ

Башенный аул Коротох (Коротх) являлся некогда одним из крупных населенных пунктов высокогорного чеченского общества Малхиста. Его древности обследовались Х. Д. Ошаевым, Б. Плечке; А. В. Мачинским, В. И. Марковиным, С. Ц. Умаровым [1; 2; 3; 4], получили отражение в «Археологической карте Чечено-Ингушской АССР» [5]. В 1975—1976 годах разведочно-раскопочные работы здесь проводились Р. А. Даутовой [6; 7], в 1984 году погребальные памятники Коротоха еще раз осматривались авторами статьи. Детальной фиксации жилищно-оборонительных сооружений не проводилось, так как основной задачей было изучение склепов. В 1985 году ряд объектов аула был паспортизирован группой В. Е. Кулакова по поручению Министерства культуры ЧИР¹. Целью статьи является публикация

¹ Авторы признательны хранителю материалов П. С. Анисимову за разрешение ознакомиться с материалами.

материалов наших исследований Коротоха, изданных лишь частично [8; 9; 10; 11; 12; 13].

Аул Коротох расположен на одном из пологих участков южного склона хребта Кори-Лам, обращенного к долине реки Чанты-Аргун, в 2 км северо-западнее аула Комалхо. От замкового комплекса Коротоха хорошо виден расположенный внизу аул и некрополь Цой-Педе.

Аул состоит из замка в южной части поселения и ряда отдельно стоящих жилых и полубоевых башен в северной и восточной частях. К стенам последних примыкают позднейшие жилые постройки и хозяйственные помещения (рис. 1.).

Наиболее интересной частью поселения является мощный замковый комплекс, возведенный таким образом, что большая часть периметра стен образующих его сооружений нависала над крутыми скальными откосами мысовидного выступа в сторону долины Чанты-Аргуна, делая практически труднодоступными подходы к нему с юга (рис. 2.)

Замок состоит из боевой, двух полубоевых и одной жилой (?) башни, а также дополнительного помещения, пристроенного к боевой башне. При этом первые четыре здания поставлены таким образом, что образуют с юго-восточной (фасадной) стороны единую линию укрепления длиной более 22 м, придающую ансамблю в целом монументальный облик.

Наиболее крупной частью замка является большая четырехэтажная полубоевая башня № 1 с подпрямоугольным основанием размерами 8,5х6,10 м, сложенная из слегка обработанных плит на глинистом растворе. На ее юго-восточной стене расположены три проема первого, второго и третьего этажей. На уровне третьего этажа устроен машикуль на консолях, расположенный по вертикали над входом первого этажа. В этой же стене на втором и третьем этаже отмечены небольшие световые окна и узкотреугольные бойницы.

Оригинальной особенностью описываемого сооружения является наличие изначально больших стрельчатых проемов на верхнем четвертом этаже. Три из них симметрично расположены на фасадной стене, один — в центре северо-восточной стены. Нижняя линия проемов располагалась чуть выше уровня пола четвертого этажа — это отчетливо видно по размещению пазов для крепления балок межэтажных перекрытий. Большие проемы создавали в свое время своеобразный ажурный силуэт верхней части башни, однако позднее они были заложены с устройством в них небольших световых окон. На северо-восточной стене снаружи ниже уровня основания проема отчетливо просматриваются прямоугольные отверстия. Назначение их не совсем понятно, возможно, таким образом крепились балки настила, выдвинутого за плоскость стены.

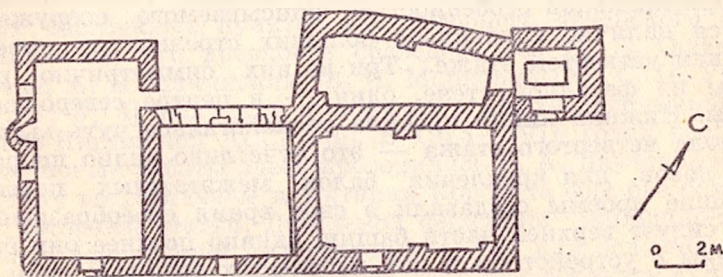
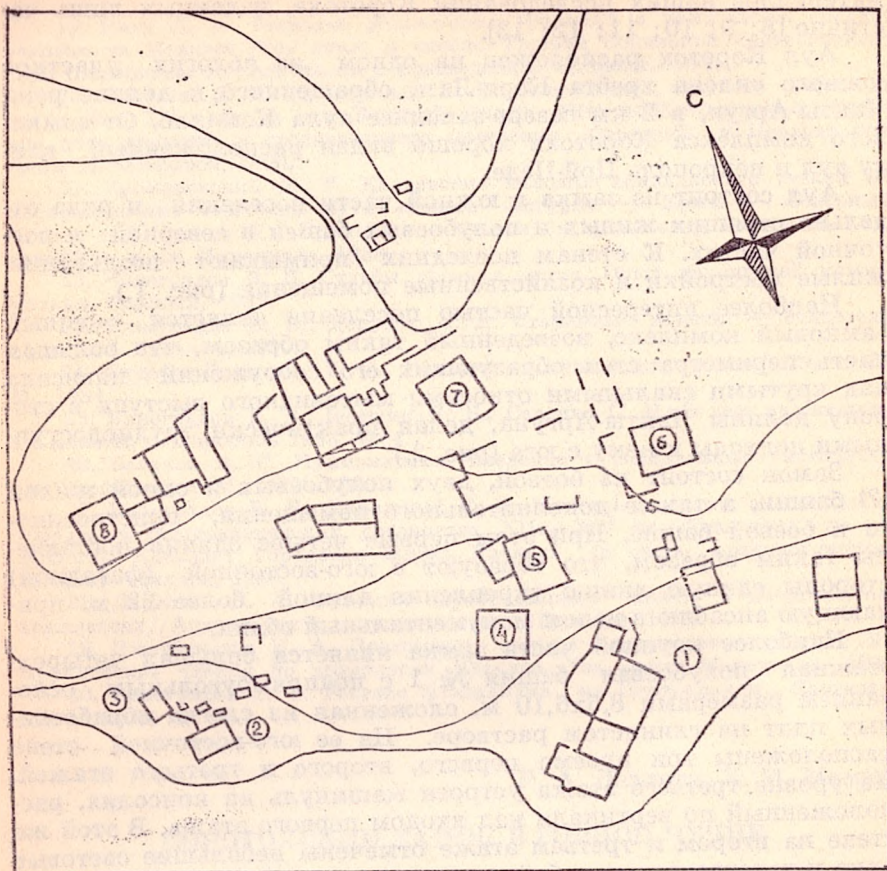

Рис. 1. Планы-схемы селения Коротох и замкового комплекса. К плану — схеме селения: 1 — замок; 2 — склеп с поминальной камерой; 3 — склеп с двускатной кровлей; 4 — башня № 1; 5 — башня № 2; 6 — башня № 3; 7 — башня № 4; 8 — башня № 5

Юго-восточная и северо-западная стены на внутренних плоскостях имеют пилястры высотой до 2 м. Пилястр северо-западной стены выступал внутрь помещения на 0,35 м при ширине 0,6 м. В его середине отмечена ниша размерами 0,30хх0,22х0,35 м со следами копоти. Второй пилястр имел меньшие размеры. В трех углах здания, в том числе обоих, образуемых продольными стенами со стеной соседней полубоевой башни (№ 2) зафиксированы контрфорсы высотой более четырех метров.

По наблюдениям В. Е. Кулакова, в северо-западной стене башни на уровне второго и третьего этажей позднее были пробиты входные проемы в соседнее помещение — пристройку и боевую башню. В северном углу на уровне третьего этажа была устроена бойница — видимо, до сооружения здесь боевой башни.

С юго-запада к башне № 1 примыкала вторая полубоевая башня (№ 2) — трехэтажная, почти квадратная в плане (8хх7,40 м). Кладка ее состояла из плит колотого, слегка обработанного сланца на глинистом растворе. На фасадной юго-восточной стене находятся входы на все три этажа, при этом проем первого защищен машикулем на консолях, расположенным на уровне третьего этажа. Интересно, что машикуль, как и в предыдущем случае размещался выше уровня входного проема соответствующего этажа — видимо, это правило. На плоскости этой же стены отмечено не менее трех небольших световых окон.

Противоположная, северо-западная стена разрушена, что позволяет видеть утоньшение стен вверху. В. Е. Кулаков отметил, что перекрытие первого этажа опиралось на контрфорсы в середине стен, а второго — на каменные консоли.

О типе третьей, крайней с юга постройки, судить сейчас довольно трудно, так как она неоднократно перестраивалась. По остатку юго-восточной стены, сохранившейся от первоначального сооружения, это могла быть жилая башня (№ 3), на фасадной стене фиксируются входы на первый и второй этажи. Изнутри на этой же стене отмечены несколько небольших нишек и одна стрельчатая ниша больших размеров, позднее насухо заложенная кладкой. Из-за перестроек сооружение приобрело не совсем обычную трапециевидную форму (длина около 11 м, ширина — 6 м), на последнем этапе превратившись в мечеть высотой в два этажа, с михрабной нишей в южной стене. Последняя переложена более чем наполовину, отличаясь характером кладки и толщиной. По обе стороны михрабной ниши сооружены два прямоугольных световых окна. Рядом с западным в стене здания отмечен блок белого цвета с выбитой на нем арабской надписью, гласящей: «...по приказу

Рис. 2 Селение Коротох (рисунок)

Манза б. Мухаммада (Шарав?) построена эта мечеть в году 1321» (1321 г. х — 1903/04 гг.)¹.

Часть северной стены, примыкающая к полубоевой башне № 2 разрушена и, видимо, здесь находился вход в мечеть со двора замка. Однако при этом входной проем первого этажа в юго-восточной стене остался незаложенным. На монолите его перекрытия отмечены петроглифы: знак в виде буквы «Н», две кисти руки и три точки. В записях А. В. Мачинского упоминаются изображения кистей двух рук на башне, примыкающей с юга к боевой [3, с. 45]. Не исключено, что речь идет об одних и тех же изображениях.

Украшением комплекса является боевая башня, пристроенная к северо-западному углу полубоевой башни № 1. Квадратная в плане (размеры основания 5х5 м), пятиэтажная с воступенчатой пирамидальной кровлей, она сложена на глинистом растворе из подработанных каменных блоков различных размеров. Относительно небольшая высота создает грузный силуэт на фоне примыкающего массивного сооружения.

Нижний этаж башни глухой, пол его состоит из каменных плит, проломленных в средней части. Перекрытие второго этажа каменное, четырехскатное с закругленными углами. На этот этаж ведет вход в фасадной восточной стене. Еще один вход расположен в юго-западной стене со стороны пристройки. На восточной стене находятся также световые окна третьего и четвертого этажей и несколько бойниц. Необходимо отметить, что входные и оконные проемы этой и ранее описанных построек имеют арочные перекрытия (монолитные и составные) с

¹ Авторы выражают благодарность за прочтение надписи научному сотруднику отдела востоковедения института Р. С. Эльмурзаеву.

внешней стороны и глубокие ниши со стрельчатым завершением с внутренней. Одна треугольная бойница отмечена на уровне второго этажа в северо-восточной стене башни.

Ее верхний этаж отличается от большинства завершающих этажей других боевых сооружений: стрельчатые проемы сооружены только в трех стенах — окна нет с юго-западной стороны, где к башне пристроено дополнительное помещение, махикули на консолях прикрывают только два проема — северо-восточной и северо-западной¹. Объяснить эти факты можно тем, что сооружение боевой башни осуществлялось с учетом оборонительных возможностей полубоевой башни № 1, которая блокировала подходы к фасадной стене боевой башни, что могло оказаться достаточным. Сложнее понять, почему такого проема не оказалось с юго-западной стороны верхнего этажа рассматриваемого сооружения. Не исключено, что это обстоятельство в определенной мере связано с возведением глухой, не имеющей внешнего входа пристройки к этой стене. Подпрямоугольная в плане (длина 10 м, ширина 3 м) она была построена позднее, что видно по отсутствию связи стен с боевой башней и характеру кладки из мелких плиток колотого сланца на глинистом растворе. Прикрывая подход к основанию боевой башни с незащищенной стороны, пристройка существовала выполняла роль переходного помещения между боевой и полубоевой башней № 1, так как в нее, как отмечалось выше, выходили входы обоих сооружений, что позволяло перемещаться внутри значительной части замкового комплекса, не выходя наружу. В сохранившейся ныне части стен пристройки нет световых окон, что также подчеркивает ее вспомогательный характер.

Северо-западнее замкового комплекса выше по склону расположена полубоевая башня с махикулом над входом первого этажа в восточной стене (размеры 8,2х8,6 м).

На ее стенах отмечены петроглифы: на юго-западной стене небольшой крест; на той же стене ниже — изображение кисти руки и точки; на юго-восточной стене — изображение трезубца и крючковидного знака. Эти же петроглифы зафиксировал и А. В. Мачинский [3, с. 45].

На западной окраине селения расположены два наземных погребальных сооружения. Одно из них — так называемый склеп с поминальной камерой, описание которого уже опубликовано [12, с. 65—67]. Второе сооружение — это прямоугольный склеп с двускатной ступенчатой кровлей, ориентированный по линии СВ-ЮЗ. Его размеры — 5,15х3,15 м, высота вну-

¹ Не исключено, однако, что махикуль был и на третьей стене с проемом, но затем полностью обвалился.

три достигает 4,15 м. Двухэтажный склеп с деревянным межэтажным перекрытием сложен из колотого камня на растворе. Лаз первого этажа, расположенный в фасадной юго-западной стене, имел трапециевидную форму. На этой же стене под гребнем крыши отмечено треугольное сквозное отверстие. Лаз второго этажа расположен на северо-восточной стене склепа. На каждом из этажей по два ряда каменных полок. Погребения сильно потревожены, склеп исследованию не подвергался.

Рядом и отчасти вокруг указанных сооружений размещено несколько десятков каменных выкладок, перекрытых большими сланцевыми плитами. У некоторых из них к одному из концов примыкают вертикально установленные плиты — чурты. Это наземные части раннемусульманских захоронений. Аналогичные погребения отмечены и в северной части поселка.

Неподалеку отмечена постройка неизвестного назначения с обвалившейся крышей, прямоугольная в плане (2,70x1,70). Вход расположен в полуразрушенной восточной стене, высота которой составляет 1,3 м. В южной стене — прямоугольное отверстие размерами 0,5x0,4 м. У основания этой же стены зафиксирован тайник (?) размерами 0,6x0,3 м, глубиной 0,6 м.

У тропы, ведущей к Коротох снизу, из долины Чанты-Аргуна расположена группа погребальных сооружений из одного наземного и четырех полуподземных склепов. Последние осматривались еще в 1939 году А. В. Мачинским и к этому времени уже были сильно повреждены. Судя по его записям, первый полуподземный склеп прямоугольной формы, ориентированный по линии ЮВ-СЗ, имел двускатную кровлю. Лаз в камеру располагался с юго-восточной стороны, полук внутри не было. Второй склеп, по предположению А. В. Мачинского, вообще не имел крыши (?). Входное отверстие трапециевидной формы располагалось в южной стене. Внутри камеры были деревянные полки, которые обрушились. Третий склеп, также вытянутый по линии С-Ю, был наполовину разрушен. Лаз располагался в южной стене. Четвертый склеп еще более худшей сохранности, ориентированный по линии С-Ю, имел, вероятно, двускатную крышу.

Наземный склеп в этой группе представляет квадратную в плане гробницу (3,2x3,2) с пирамидально-ступенчатой крышей из восьми ступеней (рис. 3). Высота склепа снаружи 6 м, внутри — 4,25 м. Усыпальница имела два яруса, на каждый из которых вели лазы, расположенные друг над другом в западной стене склепа. Нижний лаз имел прямоугольную форму с арочным завершением, верхний — трапециевидную. В обоих лазах отмечены остатки деревянных рам. Склеп был исследован отрядом Р. А. Даутовой.

К началу расчистки в склепе была зафиксирована масса

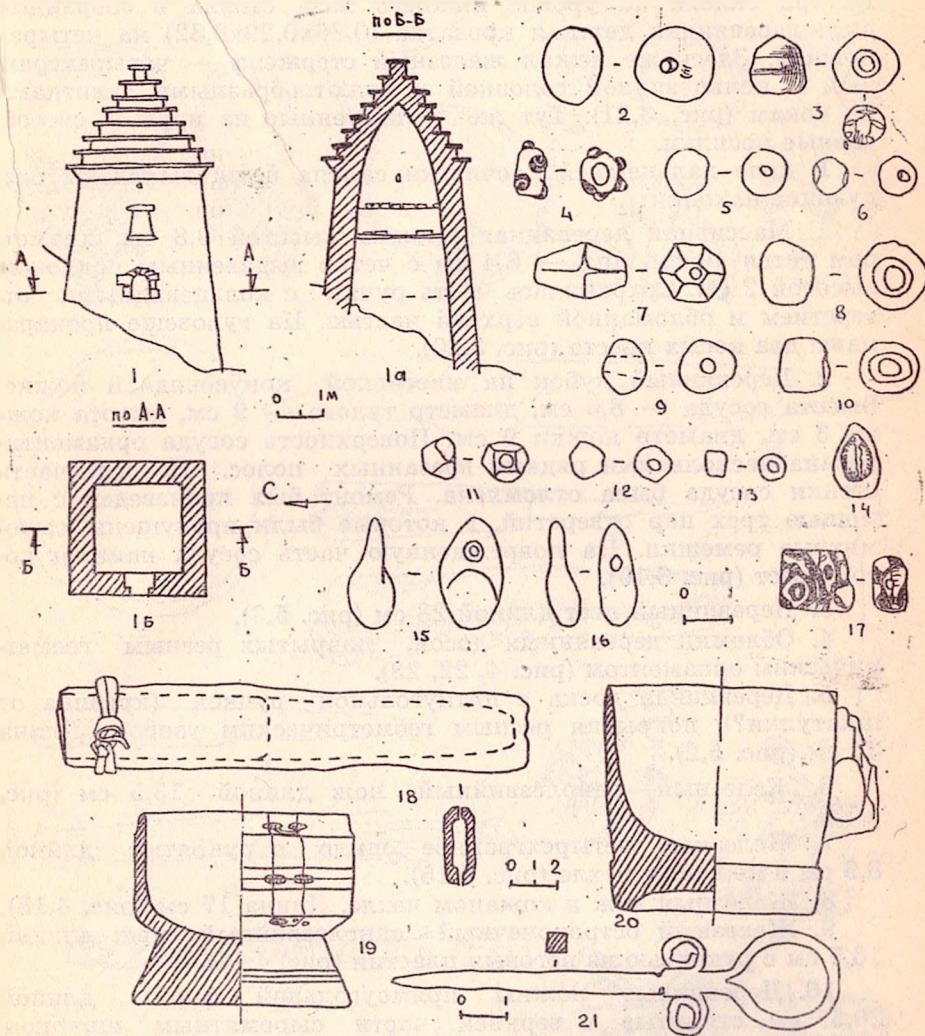

Рис. 3. Находки из коротохского башнеобразного склепа (2 — 13, 17 — стекло; 14 — раковина; 15, 16 — кость; 18 — дерево, кожа; 19, 20 — дерево; 21 — железо).

беспорядочно лежащих костей, мумифицированных тел, обрывков тканей, обломков деревянных досок, балок и т. д. Часть последних связана, видимо, с обвалившимся верхним ярусом. Внутри склепа на уровне нижнего лаза стояла в собранном виде деревянная детская кроватка (0,86x0,29x0,32) на четырех ножках. Здесь же лежал железный стержень — четырехгранный с кольцевидной головкой и волутообразными завитками по бокам (рис. 3,21). Тут же — плетенные из прутьев своеобразные носилки.

В ходе дальнейшей расчистки склепа были выявлены следующие находки:

1. Массивная деревянная кружка высотой 9,8 см, диаметром устья 10 см, дна — 8,4 см с четко выделенным поддоном высотой 2 см. Сохранилась часть ручки с кольцевидными отверстиями и обломанной верхней частью. На туловеще процарапаны два косых креста (рис. 3,20).

2. Деревянный кубок на массивной конусовидной ножке. Высота сосуда — 8,5 см, диаметр тулова — 9 см, высота ножки 3 см, диаметр ножки 9 см. Поверхность сосуда украшена несколькими рядами врезанных полос. Некогда часть стенки сосуда была отломлена. Ремонт был произведен с помощью трех пар отверстий, в которые были пропущены сыромятные ремешки. На поврежденную часть сосуда нанесен косяк крест (рис. 3,19).

3. Деревянный пест длиной 28 см (рис. 5,3).

4. Обломки деревянных досок, покрытых резным геометрическим орнаментом (рис. 4, 22, 23).

5. Деревянная доска с пятиугольной ручкой (крышка от шкатулки?), покрытая резным геометрическим узором. Длина 32 см (рис. 5,2).

6. Железный однолезвийный нож длиной 13,5 см (рис. 4,13).

7. Железное четырехгранное шило с рукоятью длиной 8,9 см в кожаном чехле (рис. 4,15).

8. Железный нож в кожаном чехле. Длина 17 см (рис. 4,18).

9. Железный острокопечный однолезвийный нож длиной 16,5 см с рукоятью из роговых пластин (рис. 4,17).

10. Деревянные ножны прямоугольной формы длиной 20,5 см, стянутые в верхней части сыромятным шнурком (рис. 3,18).

11. Железный браслет, полукруглый в сечении, диаметром 5,5 см с заостренными концами (рис. 4,14).

12. Три височных украшения из бронзовой проволоки в виде колец со спирально закрученным концом: два из круглого в сечении прута, одно — из плоского (рис. 4,1).

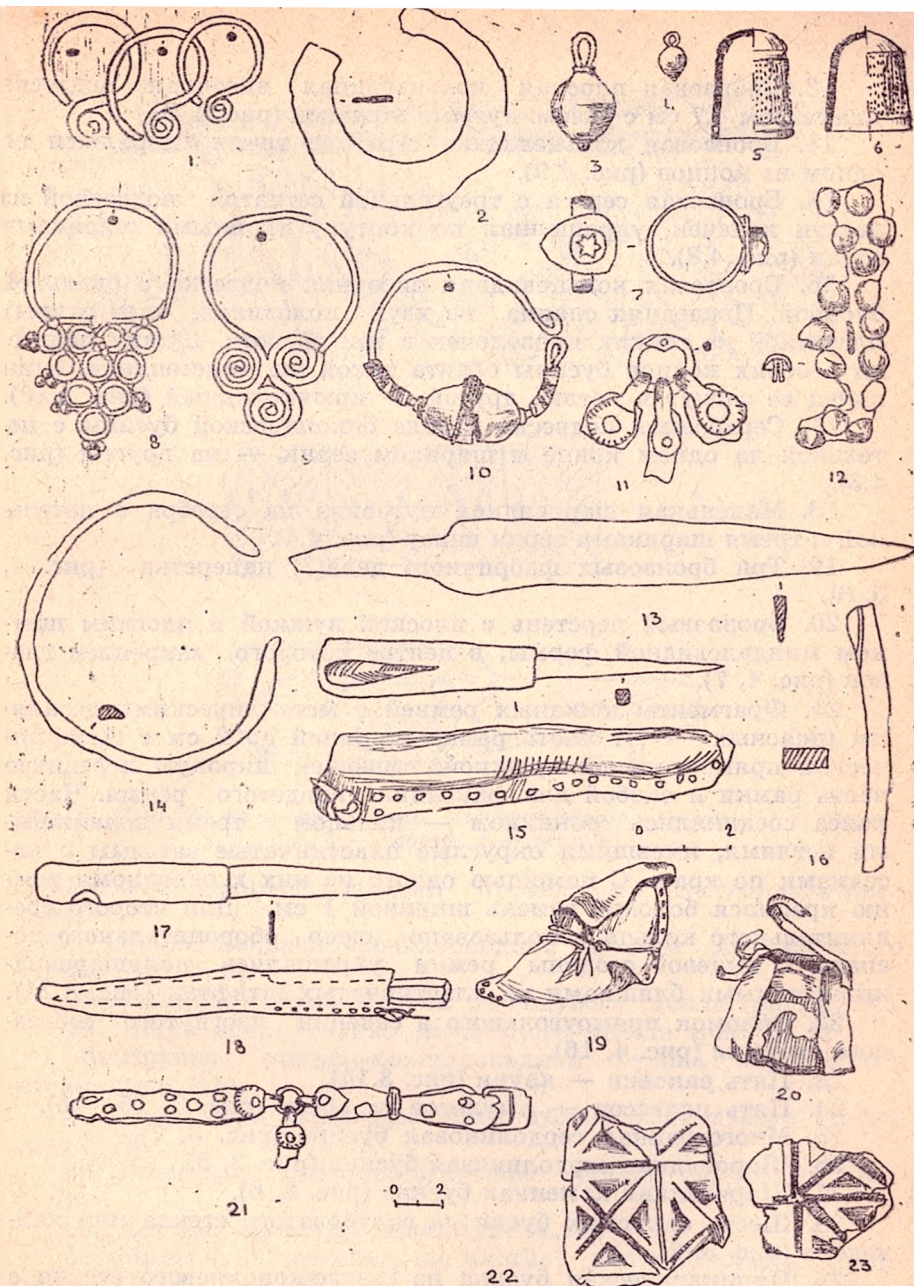

Рис. 4. Находки из коротохского башнеобразного склепа (1, 2, 5, 6, 8—10 — бронза; 7 — бронза, стекло; 3, 4 — серебро; 11, 12, 21 — кожа, бронза; 13, 14, 16 — железо; 15, 17, 18 — железо, рог, кожа; 19 — кожа; 20 — ткань; 22, 23 — дерево).

13. Бронзовая плоская кольцевидная височная подвеска диаметром 4,7 см с разомкнутыми концами (рис. 4,2).

14. Бронзовая кольцевидная серьга с тремя спиралями на одном из концов (рис. 4,9).

15. Бронзовая серьга с треугольной сетчатой подвеской из десяти колечек, украшенная по контуру тройными шариками зерни (рис. 4,8).

16. Бронзовая кольцевидная височная подвеска с овальной бусиной. Последняя спаяна из двух половинок, шов закрыт плетенкой из тонких проволочек в три оборота. Дужка подвески с обоих концов бусины обвита такой же «плетенкой», один конец ее загнут в петлю, другой — крючковидный (рис. 4,10).

17. Серебряная подвеска в виде биконической бусины с петелькой на одном конце и шариком зерни — на другом (рис. 4,3).

18. Маленькая шаровидная пуговица из серебра с петелькой и тремя шариками зерни внизу (рис. 4,4).

19. Три бронзовых фабричного дела(?) наперстка (рис. 4, 5, 6).

20. Бронзовый перстень с плоской дужкой и плоским щитком миндалевидной формы, в центре которого закреплен глазок (рис. 4, 7).

21. Фрагменты кожаных ремней с металлическими деталями (поясных — ?): часть ремня шириной до 2 см с металлической прямоугольной пряжкой, имеющей широкую переднюю часть рамки и скобой для фиксации продетого ремня. Части пояса соединялись тройником — кольцом с тремя подвижными петлями, имевшими округлые пластинчатые зажимы с насечками по краю. С помощью одного из них к основному ремню крепился боковой ремень шириной 1 см. Для второго соединительного кольца использовано звено оборонительного доспеха. С лицевой стороны ремни украшались полусферическими полыми бляшками на пластинчатых штифтах (рис. 4,21).

22. Обломок прямоугольного в сечении изогнутого железного стержня (рис. 4, 16).

23. Пять раковин — каури (рис. 3,14).

24. Пять подвесок — амулетов из кости (рис. 3, 15—16).

25. Многогранная сердоликовая бусина (рис. 3, 7).

26. Шаровидная сердоликовая бусина (рис. 3, 5).

27. Шаровидная каменная бусина (рис. 3, 6).

28. Шесть округлых бусин из голубоватого стекла или халцедона (рис. 3, 2).

29. Цилиндрическая бусина из светло-коричневого стекла с черными глазками (рис. 3, 4).

30. Прямоугольная мозаичная бусина (рис. 3, 17).

31. Многогранная бусина из желтого стекла (рис. 3, 11).

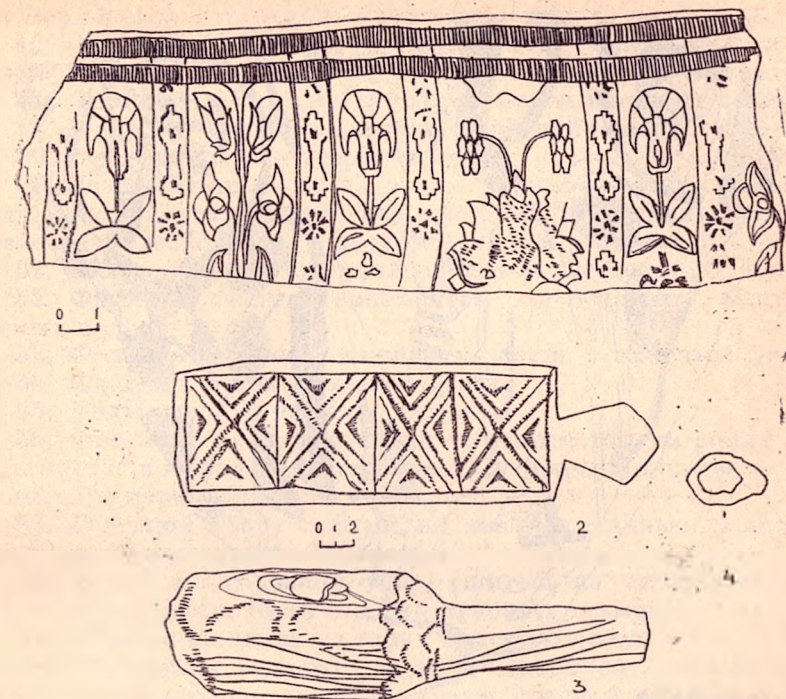

Рис. 5. Находки из коротохского башнеобразного склепа (1 — ткань; 2, 3 — дерево; 4 — железо).

32. Уплотненно-шаровидная бусина из полупрозрачного стекла.

33. Бусина неправильно-шаровидной формы из дымчатого стекла (рис. 3, 3).

34. Цилиндрическая бусина из голубого стекла (рис. 3, 10).

35. Шаровидная бусина из желтого стекла (рис. 3, 9).

36. Крупная уплотненно-шаровидная бусина из желтого стекла (рис. 3,8).

37. Небольшая цилиндрическая бусина из голубого стекла (рис. 3,13).

38. Железное предохранительное кольцо лучника (рис. 5, 4).

39. Детский кожаный чужак (рис. 4,19).

40. Маленькая сумочка из плотной цветной ткани, стянутая тесемкой (рис. 4,20).

41. Головной убор типа колпака с двумя разрезами, обшитый по краю тесьмой. Верх убора изготовлен из парчи, шитой

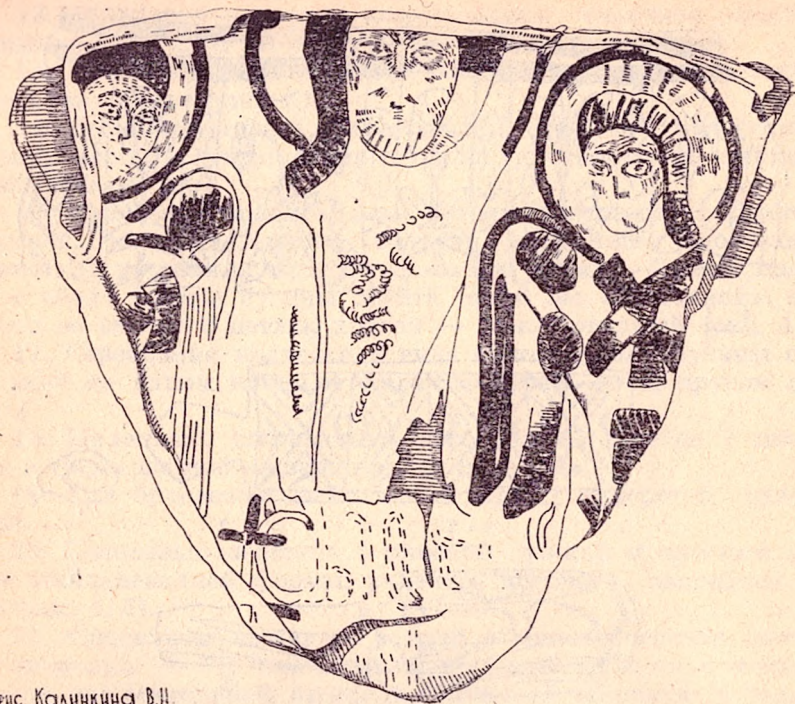

рис. Кааинкина В.И.

Рис. 6. Парчевый колпак из коротохского башнеобразного склепа (предмет изображен в перевернутом виде)

серебряной и золотой нитью с изображением ангелов и ликов святых и остатком надписи. Подкладка из серой ткани (рис. 6).

42. Комплект одежды, сохранившийся на одном из мумифицированных женских тел. Поверх длинной нижней рубашки из светлого холста с глубоким вырезом на груди было одето строго приталенное платье из ткани темно-красного цвета. Поверх платья был одет жилет с глубокими боковыми разрезами, зашнурованный плетеной тесьмой и обшитый по краям полосками красной ткани. Материал жилета имел зеленоватый цвет и напоминал замшу. Интересна и прическа: волосы были аккуратно уложены в косу вокруг головы, вниз спускались еще две косички.

43. Кожаный чужак красно-коричневого цвета.

44. Фрагмент ткани (бархат — ?) зеленого цвета.

45. Фрагменты одежды и ткани коричневого цвета, обшитой коричневой и красной тесьмой, на черной подкладке.

46. Фрагмент полотна с орнаментом из чередующихся красно-коричневых и бежевых полос с цветами.

47. Фрагмент ткани красно-коричневого цвета с узором.

48. Фрагмент цветного полотна с красной каймой.

49. Фрагменты ткани серого цвета.

50. Фрагмент одежды из ткани в сине-красную полоску с подкладкой из ткани красного цвета. К последней была прикреплена железная игла с продетой ниткой.

51. Часть верхней одежды с рукавом из цветного полотна.

52. Фрагмент ткани с орнаментом из красных, желтых и черных полос.

53. Фрагмент ткани коричневого цвета с красным узором.

54. Фрагмент ткани красного цвета.

55. Подушечка матерчатая для игл.

56. Фрагмент шелковой ткани с орнаментом из синих и серых полос, покрытых растительным узором. По краю — кайма из двух параллельных линий.

57. Головной убор, сшитый из четырех клиньев разноцветной ткани в виде круглой шапочки.

58. Такой же головной убор, сшитый из четырех клиньев ткани синего цвета. Край отделан красной тесьмой.

59. Детская шапочка из ткани красного цвета.

60. Фрагменты верхней одежды (кафтана — ?) из ткани синего цвета, отороченного по краям красной тесьмой.

61. Фрагменты детского бешмета.

Необходимо отметить, что исследования коротохского склепа в 1976 году принесли в целом большую и выразительную коллекцию тканей и одежды. Однако из-за трудностей транспортировки во время длительного перехода основная ее часть была оставлена на месте и в 1984 году изъята Б. Б. — А. Абдулвахабовой, занимающейся исследованием одежды из позднесредневековых могильников края. Часть коротохских материалов уже опубликована, поэтому мы ограничились лишь их перечислением [9; 13].

Следует остановиться на находке в склепе плетенных носилок. По утверждению уроженца этих мест А. М. Батаева, в коротохском склепе некогда был погребен весьма почитавшийся малхестинцами «святой» из фамилии Зейтовых (Дзейтовых)¹. В этой связи именно здесь в случае большой засухи совершался своеобразный обряд вызывания дождя, сохранившийся вплоть до недавнего прошлого. В определенное время к Коротоху стекались жители близлежащих и даже дальних аулов (в

¹ Другие информаторы считают местом погребения святого склеп с поминальной камерой [18, с. 9].

том числе и из Грузии) и останки «святого» на носилках, накрытых белым полотном, выносились на вершину горы (вероятно, к традиционному святилищу). Здесь совершались жертвоприношения и моления о ниспослании дождя.

Суеверные представления о способности непогребенных человеческих останков вызывать дождь сохранились среди части старшего поколения горцев до сих пор — это явление хорошо известно и этнографам [14, с. 65]. Кстати, в ходе раскопок была зафиксирована и еще одна устойчивая этнографическая деталь — прикалывание иглы с ниткой к подкладке одежды, что играло, по представлениям чеченцев, магическую охранительную роль [15, с. 117].

Требуется определенного пояснения явная немногочисленность вещевых находок в склепе, обычно более богатых инвентарем. Не обнаружены, в частности, предметы вооружения (если не считать кольца лучника и нескольких ножей, которые использовались не только в хозяйственных целях). Вероятнее (и прежде всего) это результат неоднократных ограблений, в том числе и в недавние времена, когда через долину Чанты-Аргуна проходил один из туристических маршрутов. Еще дороже обогатилась «любопытность» путешествующих некрополю Цой-Педе, через который прямо пролегал пешеходная тропа — почти все его склепы подверглись опустошению [16; 17]. Поэтому трудно согласиться с теми исследователями, которые объясняют указанные особенности в составе и количестве находок коротохского склепа сугубо конфессиональными причинами [10, с. 135], видимо, действовал комплекс причин. Тут значительна и роль случая — в расчищенном тогда же комолхойском полуподземном склепе, расположенном неподалеку, находок оружия также нет, в то время как в наземных склепах Цой-Педе и Басты-хи найдены фрагменты луков, стрел и т. д. [7, с. 94—95].

В итоге исследований каких-либо цельных представлений о погребальном обряде коротохской усыпальницы получить не удалось, однако он вряд ли существенно отличается от уже известной картины [4; 19]. Общее число погребенных составляло не менее 150 человек, причем часть из них была похоронена, как отмечалось ранее, в гробах. Последние рассматриваются как результат проникновения христианства в среду горцев Чечни в XVI—XVII вв. [20, с. 80—81]), однако однозначность подобного понимания вызывает возражения [21, с. 141]. В связи с этим, кстати, трудно согласиться и с толкованием парчового колпака как дароносицы [10, с. 135]. Возражения против представлений об использовании этого предмета как головного убора, основанные на том, что в этом случае изображения «святых» оказываются перевернутыми, вряд ли могут

быть приняты. Конфессиональное мировоззрение горцев в этот период было таким, что пиетет по отношению к чисто христианским атрибутам было более чем условным — владелец убора из блестящей и красивой ткани мог просто не вдаваться в семантику изображений [20, с. 81—83].

В предварительной информации хронология материалов коротохского склепа определялась в рамках XV—XVIII вв. [6]. В целом эта дата подтверждается анализом находок, среди которых показательны украшения. Видимо, наиболее ранней среди них является кольцевидная подвеска с овальной бусиной. Подобные, но не тождественные предметы из Цеча-Ахка датируют XIII—XIV вв. [4, с. 293], горноингушских могильников — XIV—XVII вв. [22, рис. 32, 17]. Возможно, такие же подвески были и среди материалов Кенхинского 1-го могильника [23, рис. 8, 15—17].

Подобные подвески, но с круглой бусиной, спорадически встречаются среди позднекочевнических древностей [24, рис. 84, 6, 7]. Такие же украшения найдены в Миатлинском могильнике (Северный Дагестан) в комплексе со стеклянным браслетом и датируются XII—XIII вв. В качестве аналогии им указана находка из Орен-Калы (Азербайджан), обнаруженная в слое XII — начала XIII в. с монетами Идельгизидов [31, с. 168, рис. 6, 1, 4]. Видимо, форма бусины подвесок может служить хронологическим признаком — овальные относятся к эпохе Золотой Орды. Во всяком случае наиболее близкими аналогиями коротохской кажутся находки из памятников Волжской Булгарии, в частности, Такталачукского могильника XIV в. [24, рис. 79, 12; рис. 35]. В свете все более множасьих свидетельств связей между Поволжьем и Северо-Восточным Кавказом в XIII—XIV вв. приведенные параллели представляются не случайными [26, с. 58—59; 27, с. 10—11]¹.

¹ В связи с этим следует упомянуть критику, высказанную недавно [28, с. 13,] в адрес одного из авторов данной статьи, который упрекается в упрощении проблемы появления предметов русской христианской пластики в окрестностях Майртупа в связи с тем, что высказал предположение о появлении здесь групп поволжского (в основном болгарского) населения как фактора формирования общей картины местных древностей в период господства Золотой Орды (часть статьи, на которую ссылаются авторы, написана Х. М. Мамаевым). Но, во-первых, вопрос о майртупских крестах в указанной статье вообще не затрагивался, во-вторых, непонятно, почему находки закавказского происхождения «дают основание считать, что округа Майртупа не входила в сферу политического и экономического контроля Золотой Орды» [28, с. 13]. Вряд ли последний тезис может быть принят для всей рассматриваемой эпохи. Процессы «вхождения» имели динамику и ситуация второй половины XIII в. могла измениться в XIV в. В этом смысле присутствие закавказских материалов, например, в Верхнем Джулате и Маджарах, не мешает считать их золотоордынскими городами (47; 54).

Серьги с одним и тремя спиралевидными завитками некоторые исследователи предлагают датировать XIV—XV вв. по находкам из склепов горной Ингушетии, Цеча-Ахка, Чечни [19, с. 67, 29, с. 137; 30, с. 159]. Однако очевидно, что типологически и, вероятно, хронологически первые предшествуют вторым, более того, среди одновитковых различаются кольцевидно и спирально закрученные окончания.

Трехспиральчатые, видимо, только появляются в этот период — они единичны в известных материалах Шуанского могильника [32, рис. 5, 16]. XIV—XV вв. предлагают датировать и сетчатые серьги [19, с. 66], но сейчас эта предварительная датировка нуждается в обосновании — украшения этого типа пока не встречены среди многочисленных материалов XIII—XV вв. (Шуан, Кели, Верхний Кокадой, Ушкалой, Цой-Педе и др.). Вместе с тем, в ряде наземных склепов, как и коротохском, оба типа украшений сочетаются (кошкинский склеп № 1, фалханский склеп № 8, хамхинский склеп № 2, цеча-ахкинский склеп 1—29, с. 137; 33, с. 10; 34, с. 172 и др.). Вряд ли подобная корреляция объясняется только длительностью функционирования склепов, где из-за потревоженности погребений предметы из хронологически отдаленных комплексов находятся вместе. Известен по крайней мере один достоверный случай совместной находки серег обоих типов в относительно «закрытом» комплексе — погребении в оздикском склепе № 7, датированном концом XVII—XVIII в. [35]. Вместе с тем сетчатые серьги найдены среди новых материалов XVII—XVIII вв. при отсутствии трехспиральчатых [36; 37], что в принципе может указывать на их известную диахронность.

Ко времени не ранее XV—XVI вв. можно отнести металлические тройники ремней с насечками по краю головок — они представляются реминисценциями более ранних кельйских образцов с фестончато вырезанными краями [38, рис. 2, 40; рис. 7, 5]. Ряд предметов хорошо датируется аналогиями XVI—XVII вв. из кабардинских курганов — это биконическая подвеска, пуговица, перстень, плоскокольцевидная височная подвеска [39, рис. 15]. К XVII—XVIII вв. обычно относят одну из частых находок в поздних погребениях склепов — наперстки так называемого «фабричного типа» [40].

Проблема границ и сферы влияния Золотой Орды на Центральном и Северо-Восточном Кавказе, в известной мере регулировавшихся джучидо-хулагуидским противоборством, требует специального рассмотрения [49, с. 58]. При этом исследователи отмечают, что хотя монголам в XIV в. удалось подчинить своей власти некоторые горные районы, в целом золотоордынская граница проходила по предгорьям [50, с. 55, карты 1, 2]. Майртуп же с его памятниками расположен на стыке равнины с горной зоной, то есть севернее указанной линии.

Датирующими возможностями обладают и многие ткани из коротохского склепа. Ряд образцов по декору близок иранским шелкам второй половины XVII в. [41]. Основная часть сохранившийся для определения женской одежды изготовлена из тканей XVII — начала XIX вв. [9, с. 104; 13, с. 94—95].

Таким образом, есть основания считать, что погребения в башнеобразном склепе Коротохского замка совершались в период XV — начала XIX в. Верхний временной рубеж расходится с традиционными представлениями о датировке склепов горной Чечни временем не позднее XVI—XVII вв. [42, с. 269; 43, с. 180]. Однако следует иметь в виду, что у В. И. Марковина эта дата носила предварительный характер и относилась прежде всего к могильнику Цой-Педе. С. Ц. Умаров исходил же из соображений исторического порядка, связывая прекращение функционирования, склепов с началом массового переселения чеченцев на плоскость. Одновременно верхнюю дату наземных склепов Цеча-Ахча он относил к XVIII в. [44, с. 21].

Исторические и демографические исследования фиксируют наличие значительного населения в высокогорной Чечне в XVIII—XIX вв. [45, с. 189 и сл.], в том числе в Малхестинском обществе, что с учетом сравнительно позднего распространения и окончательного утверждения здесь ислама [51], позволяет предполагать функционирование традиционных погребальных сооружений и в указанный период. [12, с. 82]. Интересно, что по представлениям Б. Плечке, осматривавшего склепы в 1928 году, некоторые погребения были «совершены не ранее, чем лет 30—40 тому назад» [2, с. 47].

Датировка башенных сооружений Коротоха наталкивается на известные сложности общего для северокавказской архитектуры порядка [46, с. 260—262]. Попытки датировать различные типы башенных сооружений предпринимались неоднократно, однако в целом определить время сооружения конкретных комплексов с достаточной точностью пока затруднительно. Суммируя известные на этот счет соображения, В. И. Марковин предлагает следующую ориентировочную схему: XII—XV вв. — период возникновения башен; XV—XVII вв. — период расцвета строительства; XVIII — затухание башенной культуры [46, с. 262]. При этом полубоевые башни, составляющие основу коротохского комплекса, рассматриваются как промежуточные между жилыми и боевыми, что может определить время его возникновения не ранее XV—XVI вв.

Безусловно, Коротохский замок возводился неодновременно. Наиболее ранним сооружением представляется полубоевая башня № 1, к которой затем была пристроена полубоевая башня № 2 (возможно, почти сразу же). Затем уже возводилась

боевая башня с пристройкой и жилая башня в южной части комплекса, которая на самом последнем этапе была перестроена в мечеть. Судя по надписи, это произошло не позже 1904 года. В этой схеме относительной хронологии находят свое место признаки, считающиеся датирующими для боевых башен — наличие бойниц для огнестрельного оружия, каменное перекрытие второго этажа [52; 53], в связи с чем коротохская башня может быть отнесена ко времени не ранее конца XVI в.

Эта дата может быть еще более омоложена, если учесть, что стрельчатые проемы верхней части полубоевой башни № 1, не находящие пока прямых аналогий в известных образцах башенного зодчества Чечено-Ингушетии, напоминают сквозные арки башен в Дзагина и Мдзоврети (Шида Картли), датированные не ранее XVII в. (55, с. 214).

ЛИТЕРАТУРА

- Ошаев Х. Д. Малхиста // Революция и горец. 1930, № 8.
- B. Plaetschke. Die Tschetschenen. Hamburg, 1929.
- Дневник работ Чеченского отряда Северо-Кавказской археологической экспедиции Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР. Архив ЛОИААН СССР. Фонд ГАИМК, № 35, оп. I, д. 165.
- Умаров С. Ц. Средневековая материальная культуры горной Чечни (XIII—XVII века). Дис... канд. ист. наук. Грозный, 1970.
- Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. — Грозный, 1966.
- Даутова Р. А. Разведочные работы в горах Чечено-Ингушетии // АО — 1975 — М., 1975.
- Даутова Р. А. Исследование средневековых памятников в горной Чечне // АО — 1976 М., 1977.
- Чакхиев Д. Ю. Позднесредневековые предохранительные кольца и напалечники вайнахских лучников // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980.
- Абдулвахובה Б. Б., Мадаева З. А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии XVII—XVIII веков // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
- Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б. Роль жречества у средневековых вайнахов / к постановке проблемы // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979.
- Чакхиев Д. Ю. Огнестрельное оружие у позднесредневековых вайнахов // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
- Даутова Р. А. Об одном типе позднесредневековых памятников Чечено-Ингушетии // Актуальные проблемы археологии и этнографии народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.
- Абдулвахובה Б. Б. Детская одежда вайнахов XVII — начала XIX вв. по археологическим материалам // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
- Мадаева З. А. Народные календарные праздники вайнахов. Грозный, 1990.

15. Хасбулатова З. И. Одежда в традициях и обычаях чеченцев и ингушей в XIX — нач. XX в. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

16. Даутова Р. А. Путешествие в глубь веков. «Ленинец», 1975, 30 ноября.

17. Даутова Р. А. Тайна Малхисты. «Комсомольское племя», 1976 г. 2 сентября.

18. Умаров С. Ц. Отчет 2-го отряда археологической экспедиции Чечено-Ингушской НИИИЯЛ за 1971 год. Архив ЧИНИИЯЛ, оп. I, № 177.

19. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.

20. Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XVI—XVII вв. // Мацне. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. № 3.

21. Даутова Р. А. Некоторые археологические факты из истории вайнахско-грузинских связей в эпоху средневековья // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотация). Тбилиси, 1984.

22. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

23. Мамаев Х. М., Даутова Р. А. Кенхинский I-й могильник в верховьях реки Шаро-Аргуна // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

24. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

25. Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.

26. Мамаев Х. М., Чакхиев Д. Ю. Новые находки эпохи средневековья из окрестностей селения Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

27. Мамаев Х. М., Нарожный Е. И. Из истории русско-северокавказских военных контактов XIII—XIV вв. // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990.

28. Виноградов В. Б., Нарожный Е. И., Голованова С. А. О древнерусских предметах на Северном Кавказе // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990.

29. Умаров С. Ц. Археологические исследования в высокогорных районах Чечни в 1968 году // АЭС, IV, Грозный, 1976.

30. Даутова Р. А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII—XVIII вв. горной Чечено-Ингушетии // АВЭИСК. Грозный, 1979.

31. Пиккуль М. И. Раскопки на Сулаке в 1955 г. // МАД, I, Махачкала, 1959.

32. Даутова Р. А., Мамаев Х. М., Нарожный Е. И., Чакхиев Д. Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии по результатам раскопок Шуанского могильника // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

33. Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии по материалам раскопок 1966 года // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

34. Мужухоев М. Б. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья // АЭС, IV, Грозный, 1976.

35. Виноградов В. Б. Погребение знахарки-чародейки в позднесредневековом ингушском склепе // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981.

36. Даутова Р. А., Чакхиев Д. Ю. Некоторые новые материалы по

мавзолеям горной Ингушетии//Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

37. Даутова Р. А. Новые данные о средневековых памятниках Ингушетии//Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии, Грозный, 1990.

38. Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чаккиев Д. Ю., Даутова Р. А. Полуподземные склепы Келийского могильника/по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии//Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.

39. Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья/XIV—XVII вв. Нальчик, 1981.

40. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа//ИСКНЦВШ, 1977, № 1.

41. Иранские ткани XVI—XVIII в. в. Коллекции Эрмитажа. Вып. 26. Л., 1975.

42. Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна//ДЧИ. М., 1963.

43. Умаров С. Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII вв.//АЭС, 4, Грозный, 1976.

44. Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII вв. Автореф... канд. ист. наук М., 1970.

45. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX вв. М., 1974.

46. Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне/по материалам исследований 1957 — 1965 гг.//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

47. Волкова Н. Г. Маджары//КЭС. 5. М., 1972.

48. Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. О находках золотоордынской поливной керамики в Предкавказье//Материалы первого симпозиума по Полихронная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения. Тез. докл. Тбилиси, 1985.

49. Нарожный Е. И. К изучению динамики золотоордынского присутствия на Центральном Кавказе (некоторые назревшие вопросы)//Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.

50. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

51. Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный, 1989.

52. Чаккиев Д. Ю. Бойницы позднесредневековых башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии//Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год., Грозный, 1983.

53. Калинин В. Н. К вопросу о классификации и датировке сохранившихся боевых башен с пирамидальным и ступенчатым покрытием в Чечено-Ингушетии//Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.

54. Виноградов В. Б., Голованова С. А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов верхнего Джугата (Деякова)//Мацне. 1981, 2.

55. Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969.

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРЦЕВ ИНГУШЕТИИ В XVIII в.

В последние годы заметно усилилось внимание ученых и специалистов к изучению материальной и духовной культуры позднесредневекового периода (XIII—XVIII вв.) населения горной Ингушетии. Однако многие ее высокогорные и труднодоступные участки, богато насыщенные разнотипными памятниками старины, еще крайне слабо исследованы. К тому же, на сегодняшний день остаются в целом неразработанной и дискуссионной хронология местных средневековых древностей, фиксируемого многочисленного и разнообразного погребального инвентаря, а также не выявлены и не получили научное осмысление локальные черты в материальной культуре горцев. Во многом это объясняется эпизодичностью проводимых здесь полевых археологических работ. В настоящей статье публикуются некоторые результаты стационарных археолого-этнографических изысканий автора, проводившихся в 1980 году в высокогорном средневековом Цоринском обществе /Назрановский р-он/, позволяющие в определенной степени дополнить и конкретизировать существующие представления об отдельных чертах материальной культуры местного населения на завершающем этапе позднесредневекового периода истории [1, с. 119—120].

Цоринский башнеобразный склеп. На южной окраине башенного поселка Цори, являвшегося в позднем средневековье административно-политическим, экономическим и культурным центром крупного одноименного горноингушского общества, на вершине обрывистого скального массива расположена хорошо сохранившаяся башнеобразная склеповая усыпальница /всего же в округе упомянутого поселения разбросаны 12 наземных склепов — соответственно числу обитавших в Цори местных фамилий/. Склеп ориентирован по линии ССЗ-ЮЮВ и имеет 4 яруса (к трем из которых ведут лазы), специальную подземную погребальную камеру /обнаружена в процессе расчистки первого яруса/ и пирамидально-ступенчатую крышу с 10-ю уступами со шпалеобразным массивным камнем наверху (рис. 1—2). Сложен склеп весьма тщательно, из обработанных с внешней стороны и хорошо подогнанных друг к другу рваных камней на известковом связующем растворе. В кладке стен фиксируется техника «перевязки» крупных и мелких камней. Снаружи стены усыпальницы дополнительно подвергнуты обильной штукатурке желто-белого цвета, а изнутри — в мес-

тах стыковки камней сделана обмазка-затирка известковым раствором.

Наружные размеры стен у основания /по линии А—А₁: северная — 3,20 м, южная — 3,40 м, восточная и западная — по 3,60 м. Внутренние размеры — 2,10 х 2,50 м, толщина стен — 0,55 м. Кверху стены незначительно /до 2,80 х 3,20 м/ суживаются /что достигалось как наклоном их внутрь, так и утончением стен/, но у самого перекрытия — немного расширяются.

Четырехскатно-ступенчатая крыша достигает в высоту 2,30 м. Расстояние между ее ступеньками — 0,15 м. Уступы венчания постройки сделаны из сланцевых плит. Общая же высота склепа — 7 м.

В первый ярус башнеобразного склепа ведет лаз прямоугольной формы /0,45 х 0,55 х 0,55 м/, расположенный в центре северной стены, на высоте 0,40 м от уровня скального склона. В этой же стене находится еще один лаз квадратной формы /0,50 х 0,50 х 0,48 м/, ведущий в третий ярус гробницы. Он расположен в центре этой стены, на высоте 2,80 м от основания усыпальницы. У верхнего правого угла данного лаза из стены /на 0,20 м/ выступает песчаниковая плита /0,46 х 0,15 х 0,08 м/ с отверстием округлой формы /диаметр — 0,07 м/ для погребального белого флага.

Во второй ярус гробницы ведет лаз квадратной формы /0,50 х 0,50 х 0,50 м/, который расположен в центре восточной стены, на высоте 1,60 м от уровня скального основания. Близ его верхнего правого угла от стены /на 0,10 м/ выступают две песчаниковые плитки, которые путем соприкосновения друг с другом образуют отверстие /0,07 х 0,04 м/ для установки погребального флага. Толщина плит — 0,07 м, длина соответственно — 0,10 и 0,14 м.

Южная и западная стены склепа глухие.

Внутренние межярусные перекрытия сделаны из бревенчатого /толщиной — 0,15 м/ настила. Бревна частично обработаны и очень тщательно подогнаны друг к другу. В каждом ярусе они в свою очередь уложены на два толстых бревна, которые опираются на выступающие из углов склепа крупные и массивные камни. Всего в усыпальнице 11 рядов выступающих угловых камней, посредством которых можно было менять высоту каждого яруса и увеличивать по мере необходимости количество деревянных настилов. Высота первого яруса — 1,20 м, второго — 1,10 м, третьего — 1,20 м. Расстояние от основания четвертого яруса до верхней сводчатой части рассматриваемого склепа — 2,25 м. Следует отметить, что и четвертый ярус постройки начали перекрывать: на высоте 0,70 м от основания четвертого яруса, на угловых камнях покоятся два толстых бревна так и незаконченного настила.

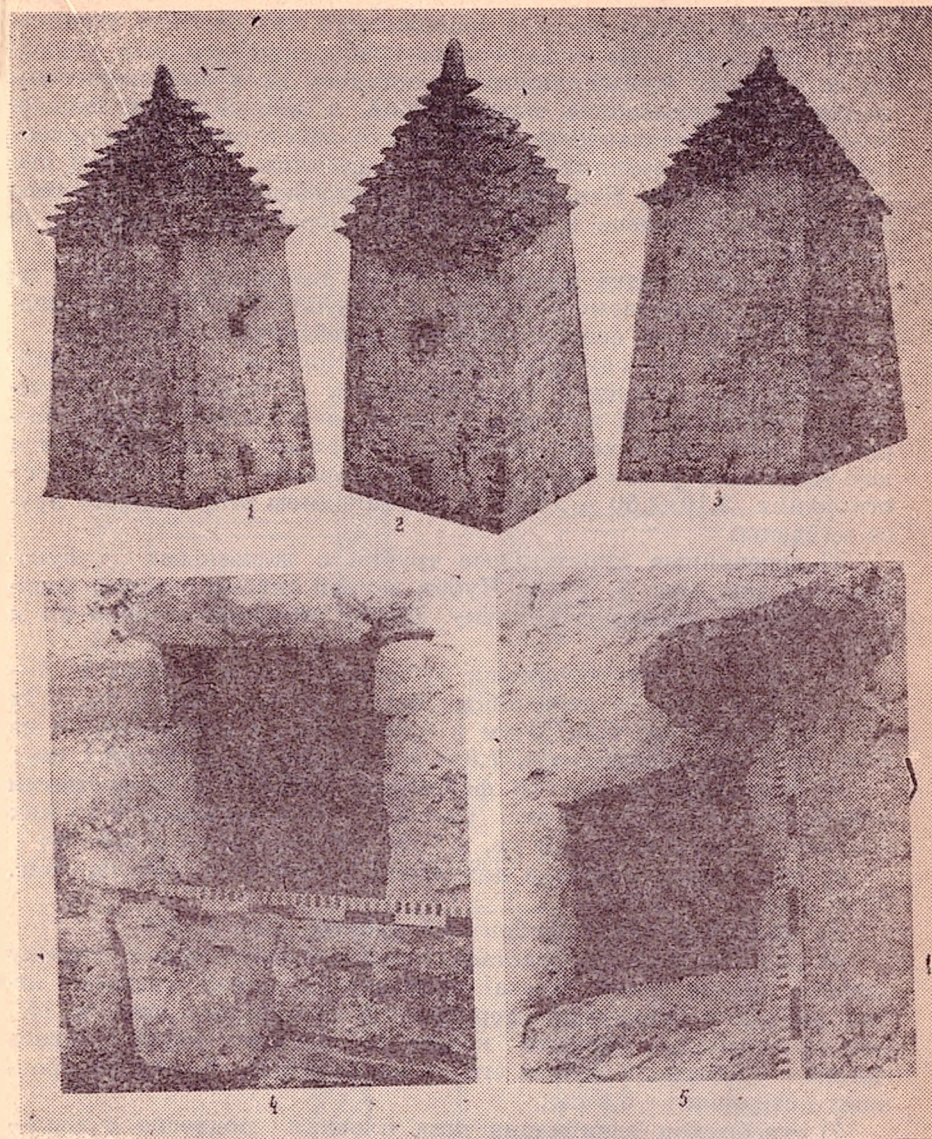

Рис. 1. Башнеобразный склеп в окрестности поселка Цори /1—3 — восточная и северная, северная и западная, западная и южная стены; 4—5 — лазы в северной стене/.

При визуальном осмотре содержимого ярусов было установлено, что склеп уже подвергся разграблению: усопшие /нередко со следами мумификации/ находились не в анатомическом порядке и перемешаны между собой, а многие кости переломаны или же раздавлены. Причем это отчетливее наблюдалось прежде всего в верхних ярусах усыпальницы, хотя доступ сюда был затруднен. Некоторая часть погребенных из четвертого яруса была сброшена в третий. Слои погребенных в ярусах не прослеживаются.

Была произведена археологическая расчистка каждого из ярусов рассматриваемого склепа, в результате чего здесь обнаружен следующий сопутствующий погребальный инвентарь.

Ярус № 1. На глубину 0,36 м /в основном у стен постройки/ этот ярус заполнен перемешанными останками 55 человеческих скелетов, из которых 17 детских и 13 старческого возраста¹. Вещевые находки отмечаются только в юго-западном и юго-восточном углах яруса, непосредственно у его скального основания /2,10x2,50 м/. Так, в юго-западном углу данного яруса найдены:

1) деревянные курительные трубки с железными чубуками — 2 экз. /рис. 3, 1—2/. Чубук первой трубки отделан бронзой и имеет железную цепочку. Длина образцов — 33,0 см и 21,2 см;

2) гребни с двусторонними зубцами — 9 экз. /рис. 3, 3—11/. Из них пять — деревянные /их размеры: 8,8x7,8 см, 7,3x7,0 см, 7,0x6,5 см, 7,2x7,0 см и 8,4x8,7 см/, а остальные — из рога /размеры: 9,5x5,3 см, 7,3x4,9 см, 8,5x6,0 см, 7,1x6,1 см/;

3) бронзовые наперстки фабричной работы с отверстиями для подвешивания — 6 экз. /рис. 3, 12/. Высота каждой из них соответственно 1,3 см, 2,0 см, 2,3 см, 2,2 см, 1,8 см и 1,8 см;

4) деревянная катушка для ниток фабричной работы /рис. 3, 13/ длиной — 3,8 см;

5) железный замок фабричной работы /рис. 3, 14/;

6) подвешенные посредством кожаных ремешков к отрезку кушака /холст белого цвета/ игольница с одной стальной иглой внутри и бронзовый стержень с насечками /рис. 3, 15/. Сверху игольница покрыта кожаным чехлом черного цвета /длина — 5,5 см/, а основа его — матерчатая. Длина же бронзового стержня — 5,5 см;

7) серебряная девятилопастная плоская подвеска с серповидной орнаментированной пластиной /рис. 3, 16/. Размеры: 5,7x5,7 см;

¹ Количество погребений и их примерный возраст определялись по сохранившимся, а также фрагментам черепов и берцовым костям скелетов, по ряду иных фиксируемых факторов автором статьи.

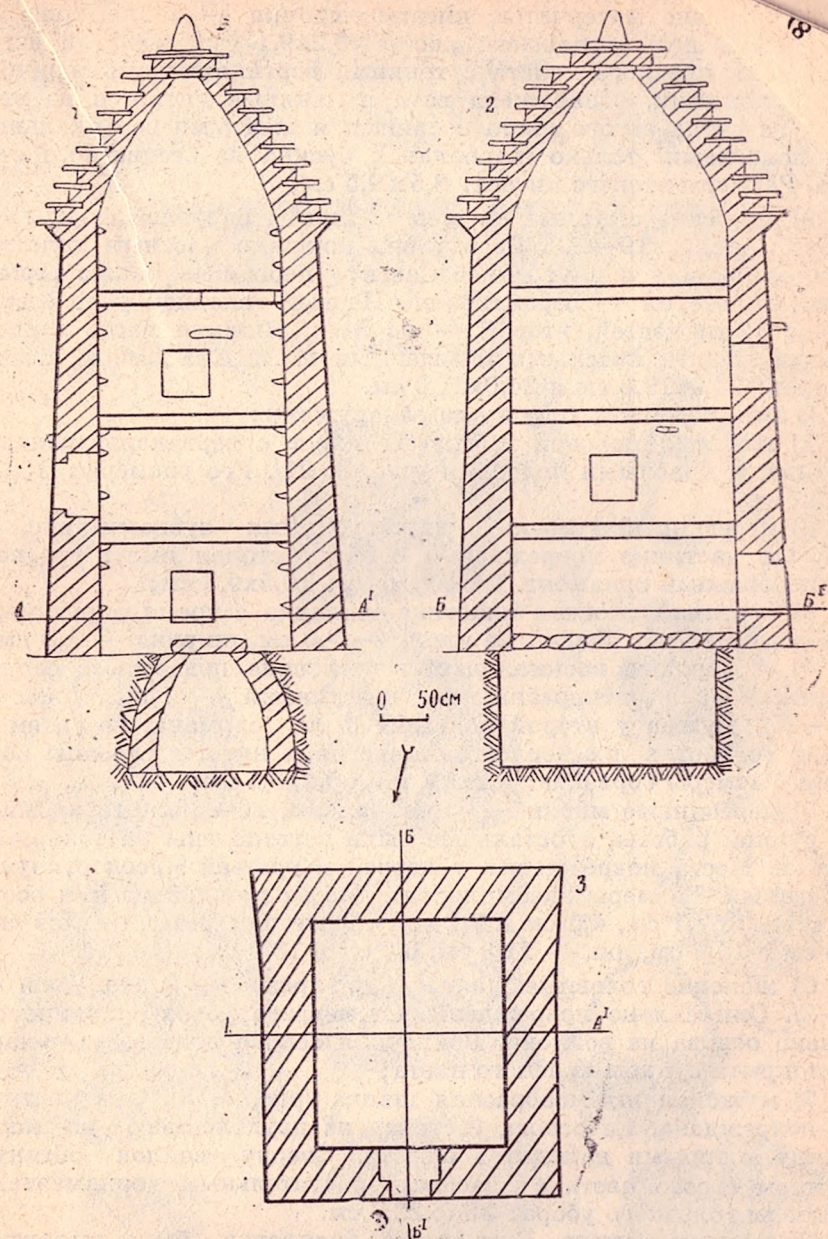

Рис. 2. Коринский наземный склеп /разрезы, план/.

8) женские матерчатые кисеты-мешочки — 2 экз. /рис. 3, 17—18/. В первом поясном кисете /9,2x9,1 см/, который изготовлен из красного холста с тонкими вертикальными коричневыми линиями, обнаружена вата и льняные нитки, а во втором /из ситца серого цвета с синими и желтыми вертикальными полосками/ только шаровидная бусина из бесцветного стекла. Размеры второго кисета: 8,5 x 9,5 см;

9) мужские стеганные на шерсти шапки округлой формы — 2 экз. /рис. 3, 19—20/. Сверху они покрыты плотным холстом серого цвета, а с внутренней части: первая — также серым холстом, вторая — серой кожей. Первый головной убор состоит из 12-ти частей, второй — из 8-ми. Нижняя часть первой шапки обшита красными и зелеными нитями. Размеры экземпляров: 24,0x19,0 см и 24,0x21,0 см.

В юго-восточном углу яруса обнаружены:

1) женский поясной шелковый кисет с вертикальными зелеными и красными полосами /рис. 3, 21/. Его размеры: 10,5x9,3 см;

2) деревянный гребень с двусторонними зубцами /рис. 3, 22/. Он частично поврежден и с обеих сторон имеет врезной волнообразный орнамент. Его размеры: 10,5x9,3 см;

3) костяная плоская пластина-накладка с тремя округлыми отверстиями /рис. 3, 23/. Ее длина — 9,0 см, ширина — 1,3 см;

4) серебряные восьмиллопастные плоские подвески с серповидными орнаментированными пластинами — 2 экз. /рис. 3, 24—25/. Дужка у второй подвески была сломана, но затем в обеих ее частях просверлены отверстия и нитями связаны воедино. Размеры образцов: 5,2x5,1 см и 5,2x5,1 см;

5) деревянные миски — 3 экз. /рис. 3, 26—28/. Вторая миска ручной работы, а остальные были изготовлены на токарном станке. Места повреждения у первой и третьей мисок стянуты бечевками. Размеры экземпляров: высота каждой из них соответственно 7,1 см, 4,5 см и 7,2 см; диаметры: устья — 15,5 см, 9,5 см и 14,3 см, дна — 11,3 см, 6,3 см и 13,0 см;

6) женские головные уборы «кур-харсы» — 2 экз. /рис. 4, 1—2/. Они сильно повреждены. От первого убора сохранилась только основа из войлока. Войлочная основа второго «кур-харса» покрыта сукном красного цвета;

7) мужская шлемообразная шапка /рис. 4, 3/. Она частично повреждена. Ее основа состоит из двухслойного войлока, между которыми находится шерсть. Сверху войлок обтянут холстом серого цвета с красным растительным орнаментом. Размеры головного убора: 33,0x22,7 см.

Подземная камера. В процессе расчистки была выявлена возвышающаяся /на 0,15 м/ выкладка из крупных и массивных каменных плит, которая шла на всю длину основания /по

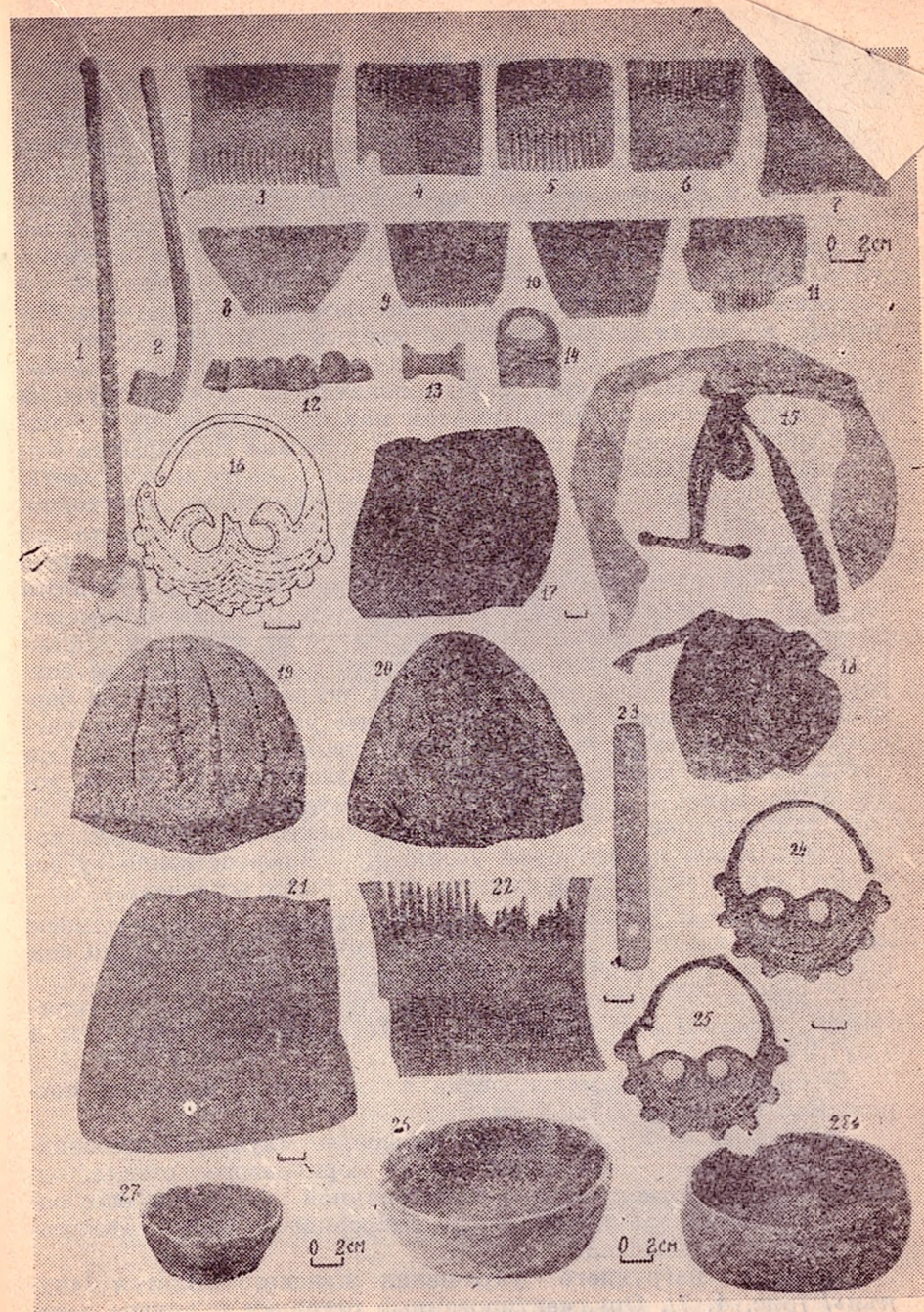

Рис. 3. Находки из яруса № 1.

линии С-Ю/. От нее до уровня лаза — 0,20 м. Ширина выкладки /в среднем/ — 0,80 м. Всего здесь находилось 6 плит, искусно подогнанные друг к другу без связующего раствора. После удаления плит открылась погребальная подземная камера, имеющая сводчатое очертание /выполненная техникой ложного свода/ и ориентированная по линии С-Ю. Вышеупомянутые массивные плиты являлись ее перекрытием. Восточная и западная стены подземной камеры были возведены из частично обработанных песчаниковых камней, которые тщательно подогнаны друг к другу на связующем известковом растворе. Северная и южная стены каменной кладки не имеют: здесь находится обтесанная скала. В последней и выбита вся подземная камера. Несомненно, что порвоначально была сооружена данная подземная камера, а затем над ней и воздвигнут башнеобразный склеп. Все стены камеры и камни перекрытия были дополнительно покрыты штукатуркой желто-белого цвета. Отдельного лаза или ниши у подземной камеры не зафиксировано. Длина камеры — 2,40 м, ширина — 1,20 м, высота /до перекрытия/ — 1,30 м. Камера на глубину 0,10 м оказалась заполненной осыпавшейся со стен штукатуркой и выпавшими камнями. В итоге расчистки всей площади подземной камеры, на ее скальном основании вдоль западной стены, были зафиксированы останки одиночного женского костяка плохой сохранности. Здесь были отмечены череп, позвоночник, одна берцовая и две лучевые кости, а остальные уже истлели или рассыпались на мелкие части. Костяк /длиной 1,65 м/ лежал на дне подземной камеры в вытянутом положении на спине, головой на север, с протянутыми вдоль туловища руками. Возраст усопшей около 30 лет. Нижеперечисленные предметы находились вдоль правой руки усопшей, непосредственно у западной стены подземной камеры. Здесь были встречены:

1) костяная орнаментированная булавка с заостренным концом и отверстием в верхней части /рис. 4, 4/. В сечении она округлой формы. Длина булавки — 15,5 см;

2) железные подковки — 2 экз. /рис. 4, 5—6/. Они плоские и не отличаются массивностью. Их размеры: 7,0x7,2 см и 7,0x7,0 см;

3) бронзовая орнаментированная пряжка. Частично повреждена. Размеры: 2,3x2,3 см;

4) бусины — 8 экз. Из них четыре — «лунные» шаровидной формы, две — многогранные из коричневого стекла, одна — из бесцветного стекла многогранной формы и еще одна — из темнокоричневого стекла шаровидной формы. Последняя бусина повреждена;

5) часть нагрудного украшения женского платья /«чулки»/ /рис. 4, 7/. Орнаментированные петельки и другие дета-

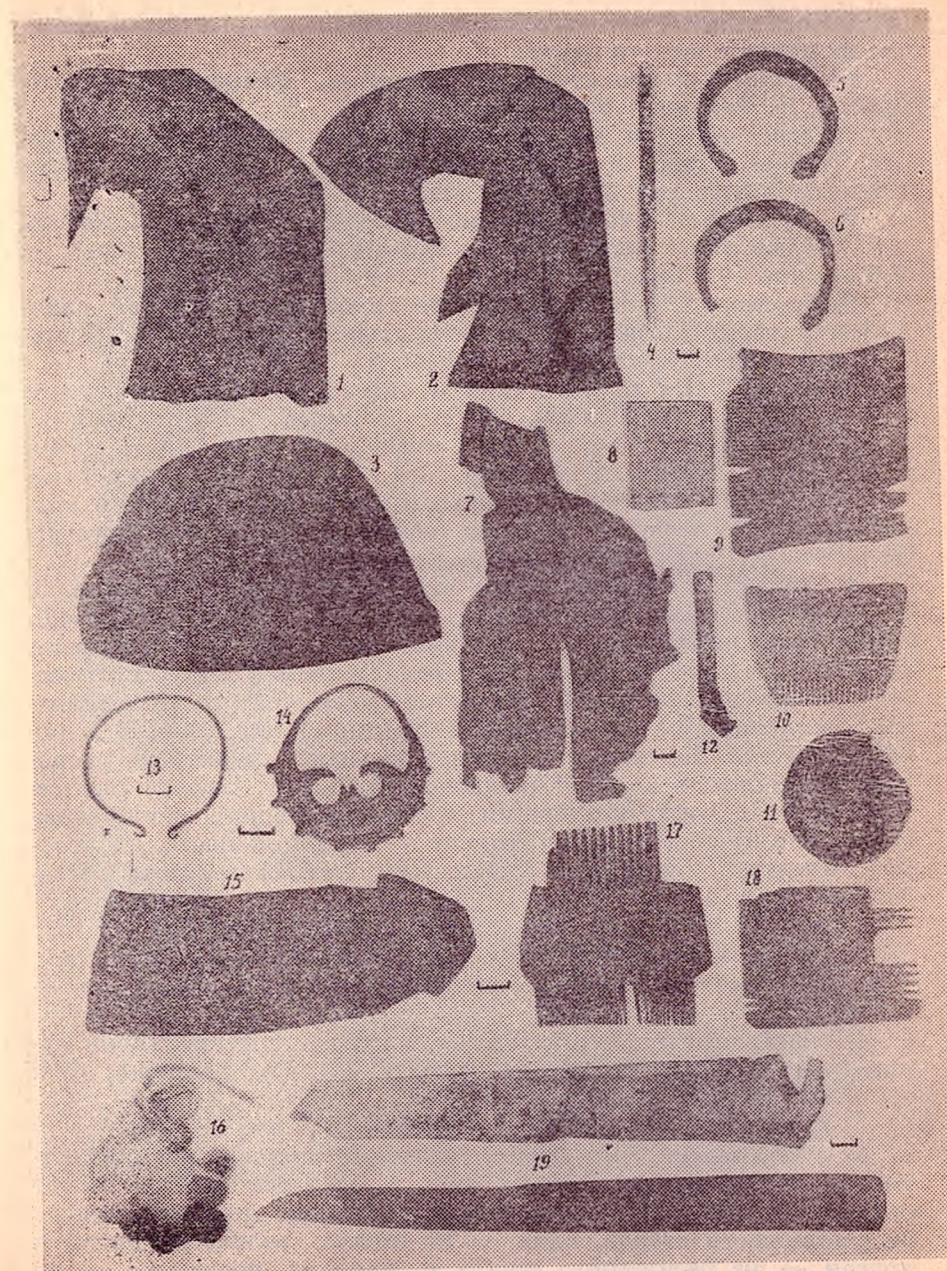

Рис. 4. Вещи из яруса № 1 /1—3/, подземной камеры /4—12/ и яруса № 2 /13—19/ цоринского склепа.

ли ворота платья изготовлены из бронзы, которые были нашиты на сукно красного цвета;

6) прямоугольное стекло от зеркала фабричной работы /рис. 4, 8/. Размеры: 5,6x4,5 см;

7) деревянный и роговой гребни с двусторонними зубцами — 2 экз. /рис. 4, 9—10/. Их размеры: 10,5x9,4 см и 8,3x6,0 см. Они частично повреждены;

8) деревянная мисочка ручной работы /рис. 4, 11/. Немного повреждена. Высота ее — 3,5 см, диаметры: устья — 7,0 см, дна — 3,5 см;

9) бронзовая игольница в виде трубочки, в которой находится материя с тремя стальными иглами /рис. 4, 12/. Длина стержня — 5,9 см, диаметр — 0,9 см.

Ярус № 2. На глубину 0,34 м он заполнен разрозненными останками 47 погребенных, среди которых 14 детских и 11 старческого возраста. Размеры основания этого яруса почти аналогичны с основанием яруса № 1. Практически все отмеченные здесь находки зафиксированы у самого основания яруса, вдоль его северной стены /от центра до северо-западного угла склепа/. Отсюда происходят:

1) женские головные уборы «кур-харсы» — 2 экз. /рис. 5, 1—2/. Они сильно повреждены /особенно первый образец/, имеют войлочную основу, верхняя часть которой покрыта красным, а нижняя серым сукном. Причем у второго головного убора на последней прослеживаются красные вертикальные полосы и растительная орнаментация коричневого и розового цветов. На тыльной части у каждого «курхарса» расположены полосы цветной шелковой ткани: у первого она серого цвета с горизонтальными красными, коричневыми, серыми и синими линиями, а у второго — красного цвета, на которой черными и желтыми шелковыми нитями вышиты растительные орнаменты;

2) камень пращи округлой формы. Его диаметр — 6,3 см;

3) серьга из округлой в сечении серебряной проволоки, свернутой в незамкнутое кольцо /рис. 4, 13/. Диаметр — 4,4 см;

4) серебряная восьмиллопастная подвеска с серповидной орнаментированной пластиной /рис. 4, 14/. Ее размеры: 4,9x4,7 см;

5) фалл из рога /рис. 4, 15/. Длина — 12,0 см;

6) ожерелье из 7-ми бусин, раковины каури и зуба животного с выдавленным крестом /рис. 4, 16/. Все бусины имеют округлую форму. Две бусины «лунные», еще две изготовлены из фиолетового стекла, одна — из стекла зеленого цвета, а другая — из бесцветного стекла и, наконец, последняя — из синей пасты, глазчатая;

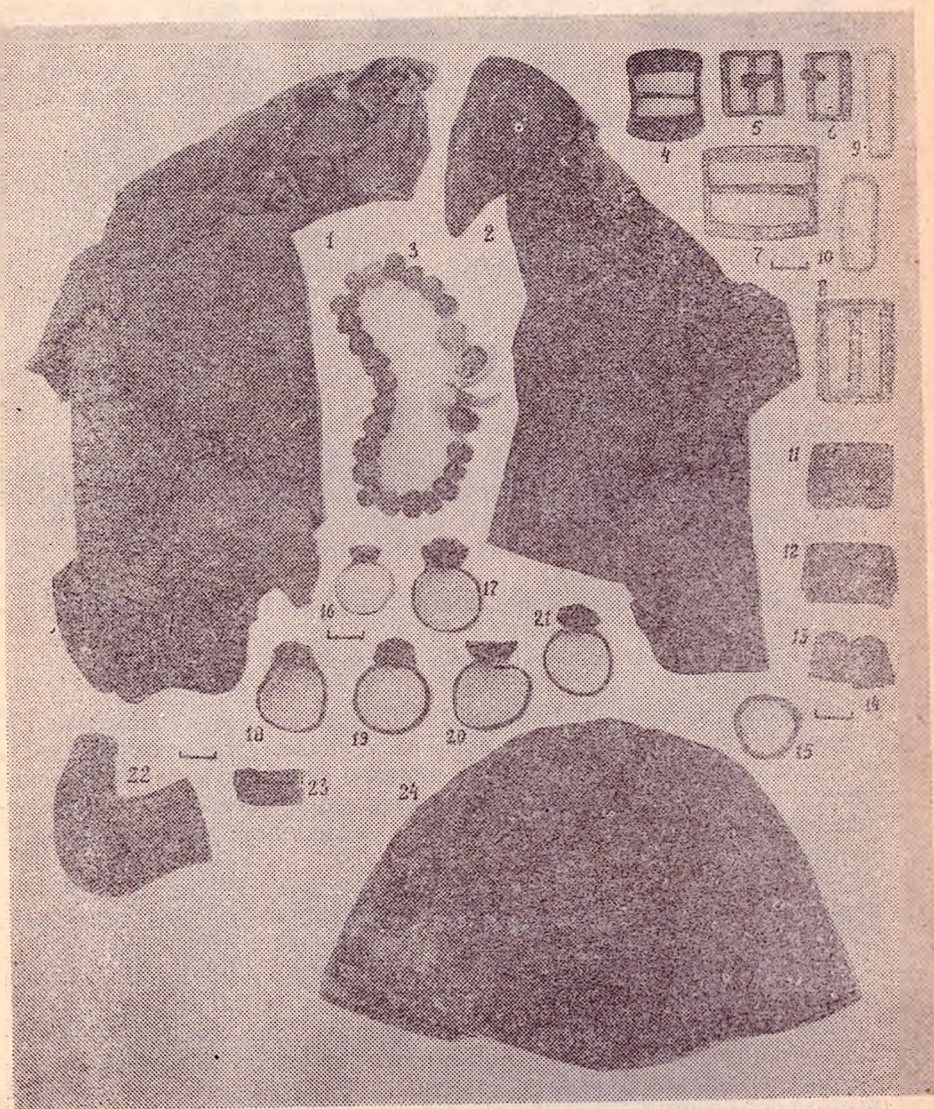

Рис. 5. Погребальный инвентарь из яруса № 2.

7) деревянные гребни с двусторонними зубцами — 2 экз. /рис. 4, 17—18/. Сильно повреждены. Их размеры: 6,1х6,2 см и 5,2 х6,7 см;

8) железный однолезвийный черенковый нож с роговой рукоятью в кожаных ножнах серого цвета /рис. 4, 19/. Общая длина ножа — 23,8 см, длина клинка — 10,7 см, ширина клинка — 1,7 см, толщина спинки — 0,3 см. На левой стороне клинка (близ спинки) проходит узкий дол;

9) ожерелье из 24 бусин, одной раковины каури и амулета из зуба животного /рис. 5, 3/. Из бусин 14 изготовлены из фиолетового стекла /две многогранные, а остальные — округлой формы/, 5 — из зеленого стекла округлой формы, 3 — из стекла серого цвета /одна из них многогранная, остальные — округлые/, одна — из черного гагата округлой формы, еще одна — из бесцветного стекла многогранной формы;

10) пряжки и другие металлические детали пояса — 9 экз. /рис. 5, 4—12/. Первая пряжка /всего их 5 экз./ железная, а остальные изготовлены из бронзы. Лишь у второй и третьей сохранились «язычки»;

11) бронзовые наперстки фабричной работы — 2 экз. /рис. 5, 13—14/. Оба имеют отверстия для подвешивания. Высота наперстков — 1,8 см и 2,0 см;

12) бронзовые пуговицы фабричной работы — 2 экз. Имеют округлую форму;

13) железное округлое кольцо /рис. 5, 15/. Его диаметр — 2,2 см;

14) мужские металлические перстни — 6 экз. /рис. 5, 16 — 21/.

Первый из них бронзовый, а остальные — серебряные. У последних двух образцов вставки-«глазки» не сохранились, у остальных они из стекла. У первого перстня вставка зеленоватого цвета округлой формы, у второго и третьего — бесцветные, многогранные, а у четвертого — зеленого цвета округлой формы;

15) глиняный чубук курительной трубки /рис. 5, 22/. Он черного цвета с волнообразными насечками. Его размеры: 4,3х4,0 см;

16) серебряное мужское незамкнутое кольцо из пластинки с 4-мя бороздками /рис. 5, 23/. Его диаметр — 2,0 см;

17) мужская шапка округлой формы /рис. 5, 24/. Она стеганая /на шерсти/, сверху покрытая сукном синего цвета, а изнутри — серого. Шапка состоит из 8-ми частей. Размеры: 26,0х16,0 см.

Ярус № 3. Он на глубину 0,34 м оказался заполненный останками 49 усопших, из которых 11 детских и 15 старческого возраста. От уровня лаза до основания этого яруса склепа —

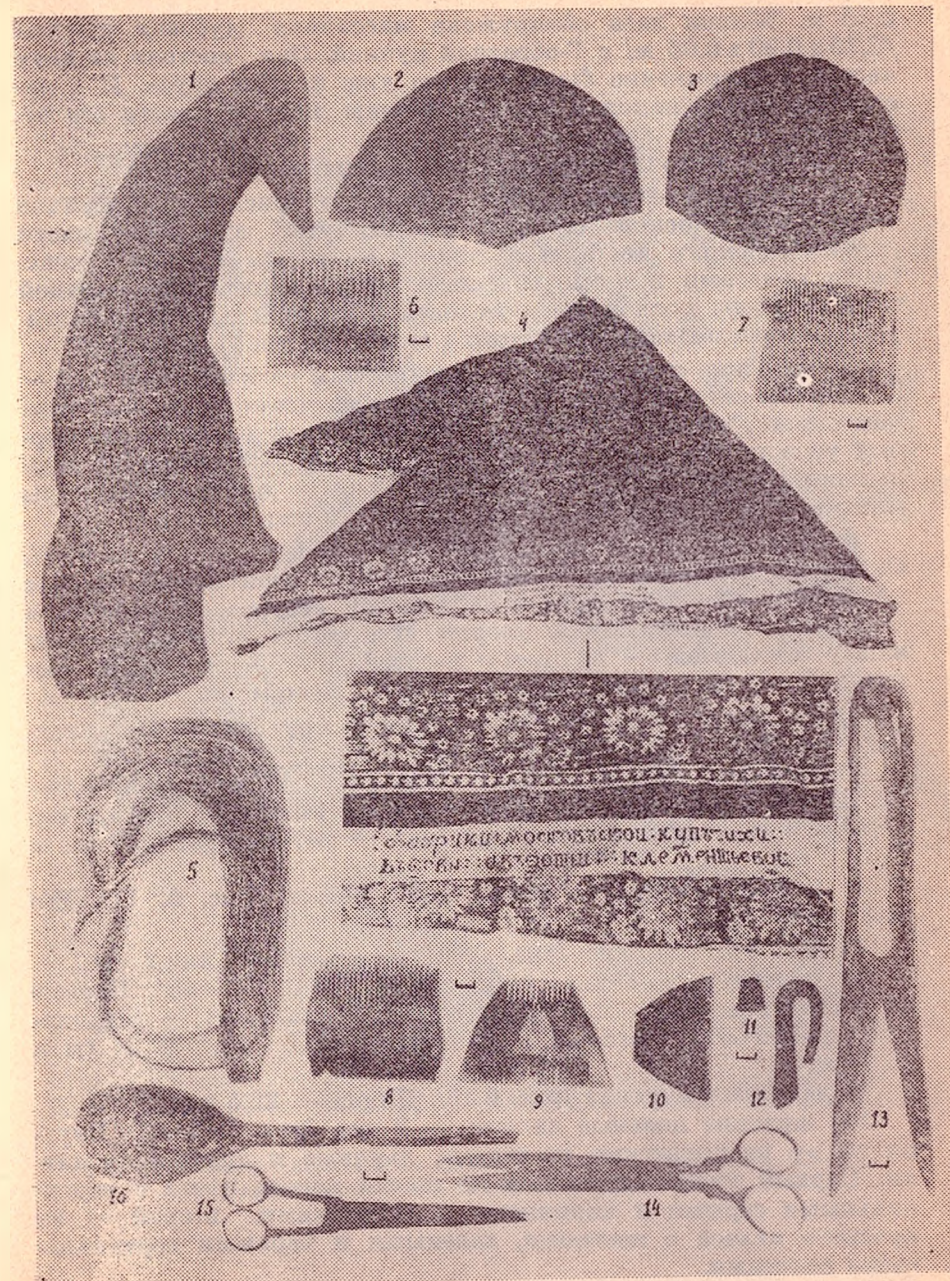

Рис. 6. Находки из яруса № 3.

0,20 м. Вблизи лаза обнаружена массивная дубовая створка /0,70 x 0,90 x 0,06 м/ с Г-образной ручкой. Она состоит из двух частей и несомненно была собрана уже внутри яруса. И в настоящем ярусе находки были отмечены лишь у самого его основания.

В северо-восточной части яруса № 3 найдены:

1) женский головной убор «кур-харс» /рис. 6,1/. Частично поврежден. В основе его войлок, обтянутый в верхней части сукном красного цвета, а в нижней — серым сукном с красными полосами и геометрическим орнаментом. На тыльной стороне убора расположена полоска шелковой ткани с растительной орнаментацией желтого и синего цветов;

2) мужские стеганные /на шерсти/ шапки — 2 экз. /рис. 6,2 — 3/. Первая сверху покрыта сукном серого цвета, вторая — сукном синего, серого и красного цветов. С внутренней части первый убор подбит сукном синего цвета, а второй — серого. Первая шапка состоит из 4-х частей, вторая — из 12-ти. Размеры головных уборов: 22,0x14,5 см и 16,0x12,0 см;

3) женский хлопчатобумажный головной платок /рис. 6, 4/. Он почти квадратный /0,95x0,88 м/, темно-коричневого тона, с набивной каймой по краям на лицевой стороне, с цветочным /красный, зеленый, синий/ узором. Платок имел неокрашенную кайму с клеймом — надписью изготовителя — «Фабрики московской купчихи, вдовы Авдотьи Клементевой»;

4) обрубленный конец хвоста хищного животного /волка?/ /рис. 6,5/;

5) гребни с двусторонними зубцами — 5 экз. /рис. 6,6 — 10/. Первые три образца деревянные /их размеры: 7,2x6,4 см, 7,8x7,0 см и 7,4x7,0 см/, а остальные — роговые /8,7x5,7 см и 7,2x4,4 см/;

6) медный наперсток фабричной работы /рис. 6, 11/. Его высота — 1,2 см;

7) железное кресало /рис. 6, 12/. Размеры: 7,3x2,7 см;

8) железные ножницы — 3 экз. /рис. 6, 13—15/. Первые из них пружинные (для стрижки овец), остальные — шарнирные фабричной работы. Размеры: 28,5 см, 19,3 см и 16,0 см;

9) деревянная ложка /рис. 6,16/. Длина — 22,5 см;

10) женские поясные кисеты — 2 экз. /рис. 7, 1—2/. Внутри их — разноцветные шелковые, льняные и шерстяные нитки. Первый кисет изготовлен из шелка синего цвета с вертикальными серыми и коричневыми полосками, второй — из красного атласа с желтыми, зелеными и черными вертикальными полосами.

В юго-западной части яруса № 3 обнаружены:

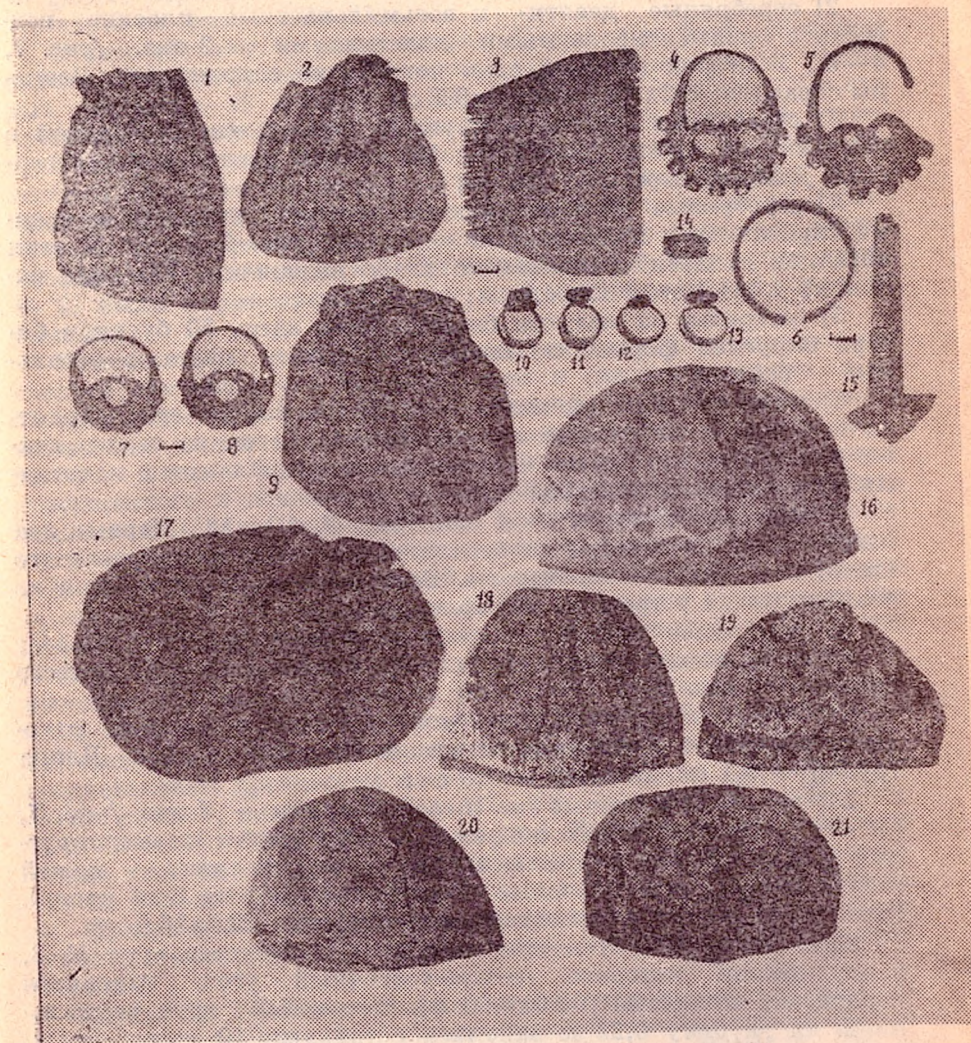

Рис. 7. Вещевой инвентарь из третьего /1—17/ и четвертого /18—21/ ярусов цоринского башнеобразного склепа.

1) роговой гребень с двусторонними зубцами /рис. 7, 3/. На нем процарапан буквообразный знак. Размеры экземпляра: 9,9x7,5 см;

2) серебряные девяти- и восьмилостные плоские подвески с орнаментированными пластинками — 2 экз. /рис. 7, 4—5/. У второй находки одна лопасть не сохранилась. Размеры образцов: 6,2x5,5 см и 6,6x5,5 см;

3) серебряная серьга из круглой проволоки, свернутой в незамкнутое кольцо /рис. 7, 6/. На концах расположены отверстия. Диаметр серьги — 4,8 см;

4) серебряные девятилопастные плоские подвески с орнаментированными пластинками — 2 экз. /рис. 7, 7—8/. У этих образцов лопасти сравнительно слабо выражены. Размеры находок: 4,4x4,1 см и 4,4x4,1 см;

5) ожерелье из мелкого бисера. Всего здесь 30 бусинок бисера округлой формы, из которых 5 серого цвета, а остальные — белого;

6) женский поясной кисет /рис. 7, 9/. Внутри его находятся льняные и шерстяные нитки. Изготовлен он из серого сукна с синими, красными и зелеными вертикальными полосками. Его размеры: 10,5x10,5 см;

7) мужские перстни — 4 экз. /рис. 7, 10—13/. Первые два изготовлены из серебра со стеклянными вставками зеленого цвета, остальные — бронзовые. Вставка четвертого перстня не сохранилась, а у третьего она бронзовая;

8) серебряное мужское кольцо из пластинки /рис. 7, 14/;

9) стеклянные округлые бусины зеленого и фиолетового цветов — 2 экз.

10) игольница в виде бронзовой трубки, в которой находится материя с тремя стальными иглами /рис. 7, 15/. Длина трубки — 5,1 см, диаметр — 1,0 см;

11) мужские стеганые /на шерсти/ шапки — 2 экз. /рис. 7, 16—17/. Вторая сильно повреждена. Обе шапки имеют округлую форму, сверху покрыты серым сукном, а снизу — кожей коричневого цвета. Головные уборы состоят из 6-ти частей. Размеры первого /малоповрежденного/убора: 22,5x16,0 см.

Ярус № 4. В него можно попасть только через ярус № 3, в перекрытии которого /северо-восточный угол/ находится квадратное отверстие /0,80x0,80 м/. Четвертый ярус усыпальницы на глубину 0,23 м заполнен останками 19 погребенных, среди которых 3 детских и 8 старческого возраста. Здесь удалось обнаружить только 4 мужские стеганые /на шерсти/ шапки. Они зафиксированы в юго-восточной части яруса. Первая шапка сверху покрыта сукном светло-черного цвета, а остальные — серым сукном. С внутренней стороны первого головного убора находится сукно серого цвета, у остальных же — ко-

ричневая кожа. Первые три убора состоят из 12-ти частей каждый, а четвертый — из 4-х частей. Размеры данных округлых по форме образцов: 24,0x19,5 см, 23,9x17,3 см, 28x18,2 см, и 27,0x17,0 см /рис. 7, 18—21/.

Таким образом, в расчищенном Цоринском башнеобразном склепе всего содержались останки 171 захоронения, из которых оказались 45 детских и 39 старческого возраста. У пяти мужских черепов /два из яруса № 1 и три из яруса № 2/ прослеживаются явные следы смертельных ударов рубяще-режущего клинкового оружия, а у еще трех /два из яруса № 2, один из яруса № 3/ — искусно совершенная трепанация. Практически все встреченные мужские и женские головные уборы /исключение — «кур-харсы» из яруса № 2 и платок из яруса № 3/ были зафиксированы на мумифицированных черепах усопших.

Относительно хронологии данной склеповой усыпальницы следует отметить, что первоначально в скальном грунте была выбита подземная погребальная камера и в ней совершенно одиночное женское захоронение, а лишь затем над ней воздвигнута и сама башнеобразная гробница. Поэтому датировка совершенного в подземной камере захоронения не может быть позднее или даже одновременно многочисленным погребениям в ярусах склепа. Существуют веские основания отнесения зафиксированного в подземной камере одиночного женского захоронения к 40—50-м годам XVIII в., на что указывают полученные результаты анализа Ю. Л. Щаповой /МГУ им. М. В. Ломоносова /найденного фрагмента зеркала, такие сравнительно поздние по времени бытования предметы как игольница со стальными иглами, костяная булавка, бронзовая пряжка, стеклянные бусы и впервые встреченное в местных средневековых древностях нагрудное украшение женской черески [сравни, например: 2, с. 67—68; 3, с. 89; 4, с. 37—66; 5, с. 89—103; 6, с. 146—150; и др.]. Железные же подковки также еще не отмечались на памятниках позднего средневековья не только Чечено-Ингушетии, но и всего Северного Кавказа. Предполагаемой датировке не противоречат и наличные у усопшей типы гребней и миниатюрной /видимо, косметической/ мисочки.

Ярусы № 1—3 несомненно начали использоваться для совершения захоронений в башнеобразном склепе одновременно со второй половины вплоть до самого конца XVIII в., что и подтверждают обнаруженные здесь практически все многочисленные находки /предметы быта, украшения и др./. В частности, для конца XVIII в. характерны различные /в основном импортные/ образцы тканой /ярусы № 1—3/, катушка для ниток /ярус № 1/, пуговицы фабричной работы /ярус № 2/, жен-

ский головной платок с клеймом /ярус № 3/ и другие изделия [см. и сравни также: 2—6; 7, с. 97 и сл.; 8, с. 62 и сл.; 9, с. 100; 10, с. 108—109; 11; 12; 13; 17, с. 37—38; и др.]. Среди впервые выявленных при исследовании погребальных сооружений края предметов из отмеченных ярусов прежде всего следует упомянуть роговой фалл /ярус № 2/ и обрубленный конец хвоста хищника /ярус № 3/, которые были тесно связаны с бытовавшими у местного средневекового горского населения религиозными воззрениями /в частности, с культами плодородия/ [см., например: 7; 8; 14; 15; 16; и др.].

Как удалось установить, ярус № 4 склеповой гробницы в конструктивном плане оказался незавершенным. К тому же, отсутствие к нему специального лаза убеждает, что при непосредственном возведении склепа этот ярус вначале вообще не планировался. По-видимому, его начали использовать под захоронения уже на рубеже XVIII — XIX вв. и функционировал он по прямому назначению только на протяжении небольшого отрезка времени /очевидно не более двух десятилетий/. Причем в связи с усиливающейся в данное время исламизацией горцев, ее нарастающим реальным воздействием на погребальный обряд, в этом ярусе практически полностью отсутствует /кроме образцов одежды/ вещевой инвентарь, ранее обильно сопровождавший усопших.

Согласно записанной фольклорной информации, исследованный башнеобразный склеп некогда принадлежал представителю местной ингушской фамилии Зангиевых и именовался «Вул-Каш» [18]. Любопытно отметить, что даже в середине прошлого столетия в ответ на упреки соседей-односельчан о якобы «преждевременной порче усопших и оставления их без надлежащего внимания», представители упомянутой фамилии неоднократно вытаскивали из этого склепа отдельных своих усопших предков, одевали на них новую одежду /или же подвергали ремонту прежнюю/ и вновь их укладывали в конкретный ярус. Все это сопровождалось обычно обильными погребальными торжествами и жертвоприношениями /в частности, при «вскрытии склепа», при его «закрытии» и т. д./. Первые три из отмеченных ярусов усыпальницы очевидно использовали в отдельности каждой конкретной группой наиболее близких кровнородственных семей и только четвертый ярус вероятно стал служить /из-за перенасыщенности всех иных/ уже фамилии в целом.

Социальный статус одиночного погребения женщины при жизни был сравнительно высоким, что и предопределило ее захоронение /несомненно с большими почестями/ в отдельной подземной камере склепа, наличие которой является пока вто-

рым случаем у местных башнеобразных усыпальниц². Здесь немаловажен также и зафиксированный факт наличия у погребенной сравнительно редкого для этого времени, раннего образца праздничного, свадебного одеяния — наряда ингушских девушек [см., например: 13, с. 107]. Данное женское захоронение явилось в итоге неким единым, объединяющим и общим началом /символом?/ для членов всей фамилии Зангиевых. Не исключена также вероятность, что именно с этой конкретной личностью было связано зарождение и формирование /или выделение/ самой вышеупомянутой ингушской фамилии. Вместе с тем, фиксация усопшей не в центральной части, а лишь вдоль одной из стен подземной камеры и наличие рядом свободного участка — не исключает вероятности для заранее запланированного помещения здесь другого захоронения, но по каким-то веским причинам так практически и не осуществленное.

Необходимо указать еще на одну особенность рассматриваемой башнеобразной гробницы — полное отсутствие здесь захоронений в деревянных гробах и детских люльках, сравнительно часто или даже повсеместно встречающихся в иных наземных склеповых постройках позднего средневековья горной Ингушетии [см., например: 4, с. 81, 88, 6, с. 39—41 и сл.; 7, с. 93 и сл.; 8, с. 56, 90—91; 9, с. 100; 10, с. 103; 14, с. 21, 52 и сл.; и др.].

Несмотря на сильную потревоженность и разрозненность коллективных захоронений в склепе, в отдельных случаях /в основном при фиксации мумифицированных частей скелетов/ все же удалось установить, что как правило усопшие укладывались вытянуто на спине, ногами к лазу. Так, в ярусах № 1, 3 и 4 были обнаружены мумифицированные останки соответственно шести, восьми и пяти усопших, ориентированные головами на юг, а в ярусе № 2 — останки семи погребенных, расположенные головами на запад. По-видимому, при совершении захоронений вначале усопших клали с сопровождающим заупокойным вещевым инвентарем на свободное основание яруса склеповой гробницы. Затем при заполнении основания останки прежних захоронений /обычно вместе с погребальным инвентарем/ просто сдвигались к стенкам яруса и на высвободившемся таким образом месте укладывались очередные покойники. И это продолжалось до тех пор, пока усопшими ярус склепа не заполнялся до уровня лаза и возникала практическая трудность вообще проникнуть в усыпальницу. Функциони-

² Аналогичная подземная погребальная камера с одиночным мужским захоронением уже фиксировалась М. Б. Мужуховым у башнеобразной склеповой усыпальницы № 2 близ горноингушского (Назрановский р-он) поселка Кошк [см.: 19, с. 155].

рование яруса прекращалось и он тщательно замуровывался. В последнем случае, по преданиям, соплеменниками усопших совершалось отдельное жертвоприношение /так называемое «закрытие склепа»/ — «резали обязательно тучного белого барана с большими, закрученными в несколько оборотов, рогами» [18].

Несомненно, вводимые в научный оборот новые полевые археолого-этнографические материалы из средневекового Цоринского общества явятся немаловажным подспорьем в освещении ряда важных сторон прошлой богатой истории вайнахов в целом и многогранной материальной культуры XVIII в. местных горцев в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии // АО за 1980 год. М., 1981.
2. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа // Изв. СКИЦВШ, 1977, № 1.
3. Даутова Р. А. К вопросу о датировке круглоплановых мавзолеев Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
4. Даутова Р. А., Чахкиев Д. Ю. Некоторые новые материалы по мавзолеям горной Ингушетии // Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.
5. Даутова Р. А. Склеп с поминальной камерой у сел. Эрзи // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
6. Тменов В. Х. Два склепа из селения Уакац // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и в средневековье. Орджоникидзе, 1986.
7. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
8. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культуры горной Ингушетии / XIII—XVII вв. / Грозный, 1977.
9. Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии // АО за 1979 год. М., 1980.
10. Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии / по материалам раскопок 1966 года // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
11. Тменов В. Х. «Город мертвых» / Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурин / Орджоникидзе, 1979.
12. Абдулвахабов Б. Б.-А., Чахкиев Д. Ю. Одежда чеченцев и ингушей в XVII—XVIII вв. Грозный, 1988.
13. Абдулвахабов Б. Б.-А., Мадаева З. А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии XVII—XVIII вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
14. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
15. Бараниченко Н. Н. Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

16. Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа / К истории религиозных верований в X—XIX веках / Грозный, 1989.

17. Чахкиев Д. Ю. Новые археологические материалы о русско-вайнахских связях в XVII—XVIII вв. // 1588 год — важная веха на пути становления русско-вайнахского историко-государственного единства. Грозный, 1988.

18. Информация 102-летнего уроженца поселка Цори Зангиева Шовхала Дотиевича летом 1980 года.

19. Мужухоев М. Б. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья // АЭС. Т. 4. Грозный, 1976.

Н. Н. Великая, Р. А. Даутова, С.-М. А. Хасиев

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОБРЯДЫ ВАЙНАХОВ И КАЗАКОВ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛИЩЕМ (Конец XIX — начало XX в.)

Жилище, наряду с орудиями труда, одеждой и прочим, традиционно изучается в рамках материальной культуры. Однако в прошлом практически с каждым материальным объектом был сопряжен комплекс определенных представлений и обрядов.

Жилище в этом плане особенно показательно, поскольку с ним были связаны все важнейшие стороны жизни человека: рождение, сватовство, свадьба, смерть, поминки и др. Жилище не только спасало от стужи, дождя, зноя, но и от «нечистых» сил. Таким образом, на ранних ступенях истории сложился и затем долгое время существовал высокий семиотический статус дома [1, с. 13]. Об этом свидетельствуют многочисленные обряды и поверья, связанные с жилищем. В конце XIX — начале XX в. смысл многих из них был уже забыт, однако при строительстве сохранялись идеи создания благополучного, идеального во всех отношениях дома /с точки зрения и практической, и религиозно-магической/, в котором бы каждая конкретная семья процветала — дом рассматривался прежде всего как необходимое условие счастливой, удачной человеческой жизни.

И здесь, по мысли предков, все должно было играть роль: и выбор места, и ход строительства, и новоселье, и взаимоотношения с «домовым» и др.

Основными типами построек в Чечено-Ингушетии в рассматриваемый период были каменные и турлучные дома у вайнахов, срубные и турлучные у терских казаков [более подробно см.: 2; 3; 4; 5].

Для возведения жилищ последние использовали осину, ольху, сосну, рапп [6, с. 7], но чаще всего дуб [2, с. 17; 3, с. 109]. Несомненно, что в выборе материала, как и в других моментах строительства, практические соображения играли главную

роль, однако нельзя не отметить, что дуб пользовался особым поклонением и почитанием на Тереке [7, с. 94—98]. И по сей день старожилы станиц украшают на троицу ветками дубов калитки и входные двери. Л. Б. Заседателевой отмечен и такой обычай: при строительстве турлучного дома станичники отдавали со своих дворов строящимся по несколько срубленных стволов акации [5, с. 375]. У восточных славян на деревьях, находящиеся в пределах усадьбы, был наложен строгий запрет [1, с. 31]. У казаков же его снятие, очевидно, было связано с недостатком строевого леса.

Последний заготавливали обычно ранней весной, когда в пойме Терека лес не оделся листвою и не было комаров [8], что согласуется с принятыми у восточных славян сроками. Считалось, что в это время /от зимнего Николая до Троицы/ дерево наполняется соком, «жизненной силой» [1, с. 29—32].

Важную роль играл и выбор места для будущего дома. При этом, и здесь строители руководствовались не только практическими, но и магико-религиозными соображениями. Счастливым местом у вайнахов, казаков, как и у многих других народов, считалось место, где располагался на отдых рогатый скот [9, с. 123; 5, с. 385], что в последнее время находит и свое научное объяснение. Кроме того, образ скота олицетворялся с домом /двором/, хозяйством, служил символом плодородия, производительных сил [1, с. 38]. Ингуши при выборе места обращались к знахарю, который определял его по толкованию снов [10, с. 71].

Правильность выбора проверялась последующими гаданиями.

Для этого у вайнахов брали кувшин, в котором обычно держали питьевую воду, бросали в него свежее яйцо и внимательно следили за ним. Если яйцо резко опускалось на дно или сразу же всплывало кверху, то это рассматривалось как «дурной знак». Плохим предзнаменованием считался и случай, при котором плававшее утром вверху яйцо к полудню погружалось до середины сосуда. Считалось, что семья, поселившаяся на этом месте, быстро прекратит свое существование. Как благоприятный признак, рассматривалось медленное погружение яйца на дно сосуда и медленное всплытие вверх. Терские казаки под углы будущего дома сыпали пшеницу и ячмень или оставляли «по целушке хлеба и стаканчику воды» на ночь. Если к утру все это исчезало или мешалось, то считалось, что в доме не будет счастья и строительство переносили на другое место. Л. Б. Заседателева считает эти действия следами строительной жертвы [5, с. 385]. Вайнахи же чаще всего использовали для этих же целей ячмень. До сих пор сохранилось поверье, что там, где ячменное зерно, туда не сунется «нечистая

сила». Поэтому под будущий фундамент сыпали ячмень. Но наиболее надежным решением вопроса считался выбор под строительство дома участка, на котором долго выращивали ячмень или овес. Отзвуком этих представлений можно считать встречающийся еще и сейчас в чеченских селах обычай прятать под сооружаемый фундамент кусок хлеба.

Вполне возможно, что здесь мы имеем один из приемов имитативной магии. Ведь зерно, хлебные изделия издавна ассоциировались с богатством, плодородием. По мнению А. К. Байбурина в подобных гаданиях реализовывался принцип: все, что направлено в дом, расценивалось, как положительное, а все, что из дома, отрицательное [1, с. 41, 44].

Это подтверждают и другие материалы. Чеченцы и ингуши на выбранное для постройки место ставили на ночь чашу с водой или молоком, чаще всего — с жидкостью, оставшейся после взбивания масла. Если к утру жидкость убывала — это считалось дурным знаком [9, с. 123; 10, с. 71]. У чеченцев бытовал и такой обычай: на место будущего строительства зарывали в землю на несколько дней, а то и месяцев глиняный кувшинчик, наполненный водой и запечатанный воском. Если за это время воды становилось меньше — место браковали [4, с. 80]. Ингуши при постройке башни поливали землю молоком и начинали строительство в том случае, если оно не просачивалось [10, с. 72]. Казаки на закладку фундамента приглашали священника, который творил молитву и окроплял место святой водой [5, с. 385]. За исключением этого момента, все остальные обряды, предшествующие строительству у казаков, как и у вайнахов носили домонотеистический характер.

При строительстве жилищ соблюдался обычай взаимопомощи: «белхи» — у вайнахов, «помочи» — у казаков.

На белхи сходилась широкий круг родственников и соседей, которые заготавливали необходимый материал. В последующие белхи выкладывали стены, сооружали крышу, обмазывали дом снаружи и изнутри. В работах принимала участие молодежь. Везде слышались разговоры, шутки, смех. Для приглашенных готовилось угощение [11, с. 54—55].

Аналогичный характер имели и казачьи помочи. Родственники, соседи заготавливали лес, кто имел подводы — перевозил его, другие замешивали глину, обмазывали ею каркас дома. На помочи сходилась много молодежи, работа сопровождалась песнями, шутками, весельем. Хозяин также угощал станичников, принимавших участие в работе [5, с. 275—276; 12].

Обычаи взаимопомощи традиционно рассматриваются как пережиток прежних коллективных форм труда, сохранения которых обуславливалось тем, что отдельной крестьянской семье

было не под силу выполнять трудоемкие работы, в том числе и домостроительные. Однако в связи со строительством жилища обращают на себя внимание такие элементы белхи и помочей, как совместные труд и трапеза, очевидно, призванные укрепить родственные, соседские взаимоотношения, праздничный настрой /веселье, нарядные одежды/. В этнографии широко известна роль шума, смеха как жизненных начал, отпугивающих злые силы, сопровождающих и даже вызывающих жизнь [13, с. 52, 70—71]. И поэтому в данном случае в белхах и помочах, на наш взгляд, можно выделить социальную и религиозно-магическую стороны.

Обычай взаимопомощи продолжали существовать и тогда, когда казаки на строительство срубных жилищ приглашали специалистов-плотников, а вайнахи для возведения башенных построек — мастеров-зодчих. Отношение к этим представителям древнейших ремесел, как и у других народов, было отчасти суеверным.

Считалось, например, что плотников нужно хорошо кормить, щедро с ними расплачиваться, иначе они «по углам делают плохо» [14; 15, с. 133]. Согласно обычному праву вайнахов хозяин нес ответственность, если с мастером произошел несчастный случай, в результате того, что он работал натошак [10, с. 71]. Здесь, по-видимому, также имеют место элементы имитативной магии: голодный, обделенный человек не может принести дому благодать, а способен действовать лишь во вред. Согласно вайнахским преданиям, хозяину следовало быть постоянно бдительным, чтобы мастер не причинил вреда постройке [16, с. 110]. С прочностью дома связывались гадания относительно благополучия семьи, в частности, ее главы. По поверью казаков, если стены дома, оседая, трещат — умрет глава семьи [17, с. 208].

В прошлом начало строительства сопровождалось принесением «строительной жертвы», очевидно, духу данного места. У вайнахов таким жертвенным животным являлся белый баран, а также петух или курица (петуха обычно резали в центре будущего дома, курицу — по углам). У восточных славян — конь, петух, курица [1, с. 61]. Пережитком данной жертвы у казаков, по-видимому, стал обычай класть под углы /и калитку/ будущего дома по серебряному рублю [18; 19]. Впоследствии это действие и в других районах проживания славянского населения объяснялось тем, «чтобы богато жилось» [15, с. 132].

Для начала строительства выбирался один из «удачных» дней. У вайнахов такими днями являлись понедельник и четверг [9, с. 123].

Важное значение отводилось сооружению первого венца /у казаков/ и укладке угловых камней /у вайнахов/. Ведь та-

ким образом пространство делилось на домашнее и не домашнее [1, с. 72]. Вайнахи в качестве оберега на углы клали что-нибудь из металла [20, с. 53], охранительные свойства его были широко известны на Кавказе. При этом преимущество отдавалось какому-либо железному инструменту, длительное время находившемуся в употреблении. Обязательным для вайнахов считалось и сыпать под сооружаемый фундамент соль.

Важное значение придавалось и тому, кто первым подойдет к строящимся. По вайнахским поверьям, если подходил активный человек — «кадий, сиха стаг» — работа будет скоро закончена. Если же медлительный, нерасторопный /«портал стаг»/, то строительство должно затянуться и быть неудачным [9, с. 123—124].

Окончание строительства было столь же важным, как и начало. В частности, вайнахские боевые башни завершались отшлифованными конусовидными камнями. Их предварительно специально освящали в святилищах. Им приписывали способность приносить плодородие земле и скоту хозяина, благополучие его семье и родным. Зодчему за установку этого завершающего строения «благословенного» камня хозяин обязан был подарить сверх установленной платы жеребца или быка. В противном случае камень-де потеряет свою силу, а семье будут сопутствовать беды и неудачи [21, с. 81].

У казаков большое внимание уделялось подъему матицы — бревна, которое служило основой для потолка [15, с. 78]. Под него клали деньги, кусок шерсти или тулупа, «чтобы дом был богатым и теплым». Поднимали матицу почетные гости, которые повязывали руку платком или поперек плеча полотенцем. После чего обязательно следовало угощение [5, с. 395].

Еще более сложный ритуал установки матицы /«дукьо»/ существовал у вайнахов, в представлении которых через крышу не должна была проникать в жилище нечисть, зло, а только благодать, озарение, свет, одухотворенность, изобилие и т. Поэтому для балки подбирались не любое подходящее дерево, а лишь такие строго определенные породы, которые дают энергию /«дегI тодеш»/, а не забирают ее /«дегI боддеш»/. В этом смысле показательна осина, которая в ряду нежелательных стоит на первом месте. Даже у пород деревьев почитаемых: дуб, липа и т. д., для матицы годился не всякий экземпляр. Предпочтение отдавалось дереву, под которым устраивались отдохнуть домашние животные. Выбор делался и таким образом — хозяин ложился спать под деревом, и если он просыпался хорошо отдохнувшим и бодрым, а не вялым и утомленным /это должно было повториться трижды/, то удовлетворенный хозяин останавливал свой выбор на нем.

Намеченный экземпляр срубался в первый понедельник или в среду в пору летнего или зимнего «чилла» [22, с. 201], так как считалось, что в этом случае балка меньше поддается грибковым заболеваниям /«мурт»/ и червоточине /«чхаавриг да кхета»/. В отличие от всех прочих строительных заготовок матицу грузили на арбу в единственном экземпляре, причем не комлем, как правило, вперед, а наоборот. Существует у чеченцев загадка: «Хител-метал хайла хьуна: дадийна тӀе корта а биллина вижана Ӏаьш волу 12 ваша» /вариант: «наб еш во лу 12 ваша»/. /Дословно: 12 братьев, спящие, положив голову на отца/. Отгадка: 12 поперечных коротких балок «орцах», покоящиеся на несущей балке-матице. Отсюда можно сделать вывод, что длина несущей балки «дукьо» определяется традицией в 6,5 м, если считать, что общепринятое традиционное расстояние между поперечными балками — 96—102 см. Длина же «орцах» достигала от 2,5 до 3 м каждой, так как считалось, что оптимальный вариант освещенности глубины комнаты находится где-то около 4 м, а ширина веранды от 1 до 1,5 м.

По существовавшему у чеченцев поверью предпочтительным временем установки балки считались дни летнего солнцеворота, которое, как известно, начинается с 23 июня /день выбирался тот же, что и при рубке, но он должен приходиться на вторую четверть лунного месяца /«бутт цӀинлуш»/. С исполнением всех этих примет связывали рост материального состояния, духовного благополучия, все возрастающее увеличение семьи и потомства и т. п., одним словом, обеспечение долгой и счастливой судьбы обитателей, проживавших под этой крышей.

Работу над «дукьо» старались выполнять в таком месте, чтобы как можно меньше людей /особенно посторонних/ заставляли хозяина за работой /которая выполнялась им не во дворе, тем более не на улице, а за хозяйственным постройками/. Если даже никто не видел хозяина при подготовке матицы, перед установкой «дукьо» обязательно умащивали курдючным или внутренним жиром.

Поднимать балку необходимо было также в строго определенное время, если быть точнее, в средний из трех периодов «часов» у вайнахов [23, с. 18].

Для помощи при установке матицы хозяин приглашал 6 самых близких /не обязательно родственников/ («дог цӀена» — досл. чистое сердце/. Они разбивались на пары, которые накидывали, взяв за концы, еще не использованные новые ремни из кожи крупного рогатого скота /«аса»/, на шею хозяина и держась за их концы, старались разбежаться от него на максимальную длину ремней. Интересно, что при этом старались

избегать северную сторону. Каждая пара, шутя, начинала тянуть хозяина к себе /но не позволяла, чтобы перетянула тянущая на запад, что считалось предзнаменованием близкой смерти, если не самого хозяина, то кого-нибудь из членов его семьи/. В это время кто-то из более молодых мужчин дома выбегал с курдюком и укладывал его под ремни на шею хозяина. Те же, кто держал ремни, начинали «пилить» его шею этими ремнями. Это продолжалось до тех пор, пока хозяйка не подходила к ним, причем ей нельзя было ни торопиться, ни медлить. Если поторопишься, то ремни окажутся в недостаточной степени намазанными жиром, а если чрезмерно медлить, то скажут, что мужа недостаточно любит. Первая пара, к которой она подходила сначала, как правило, стояла с восточной стороны /«малх бале»/, а чашу с брагой «ниха» подавала, по традиции тому из них, кто стоял ближе к мужу. Тот оборачивал ремень вокруг чаши так, чтобы не прикоснуться к нему пальцами и выпивал. Точно также выпивал чашу второй из этой пары. Подобная же процедура проводилась и с оставшимися двумя парами. Когда все выпивали предназначенное, то хозяйка снимала с шеи мужа ремни, а мужчины уже сами запускали на равном расстоянии друг от друга под заранее уложенную перед домом балку ремни, не допуская касания их земли. Причем поднимал балку один хозяин. И если она была тяжелая, то при помощи рычага «заразакъ».

После того, как пропустили ремни под матицу, тщательно проверяли длину намазанной жиром средней части всех трех ремней и если натертая часть какого-либо из ремней охватывала балку в полный оборот, то это считалось плохим знаменем. Если же все было благополучно, хозяин дома с фасадной стороны к стене дома наклонно приставлял три лаги /«до-са»/ выпуклой стороной вверх, а пары, оставив внизу хозяина, влезали на фасадную стену дома и подтаскивали матицу наверх. При этом, все те, кто стоял ближе к хозяину во время «пиления» ремнями его шеи, оставались на фасадной стороне, а та тройка, что находилась дальше, всегда оказывалась на тыльной стороне строения. Интересно отметить, что комлевая сторона балки, отменно намазанная жиром и до потемнения опаленная на огне /«чехка цӀе» или «чиеша цӀе»/, всегда оказывалась обращенной на запад или на север /«йочане агӀор»/, так как считалось, что она становится в этом случае более устойчивой против неблагоприятных условий [24].

По сведениям информаторов, строительство нового дома не следовало затягивать /переносить на следующий год/. Казаки обычно турлучный дом возводили за лето [12; 14; 25]. У вайнахов также башню необходимо было закончить за один год, в противном случае она оставалась недостроенной [10, с. 71]. В

литературе этот факт получил однозначное толкование. По мнению В. П. Кобычева, со временем «строительство боевых башен приобрело сугубо престижный характер, что нашло свое выражение в серии запретов, имевших целью ограничить возможность их постройки «худородными фамилиями» [14, с. 182]. Однако, изначально, эта традиция /строить жилище за год/, по нашему мнению, была связана с несохранившимися космогоническими представлениями славян и вайнахов. Ведь в течение года заканчивался определенный природный цикл. В это время и были действительны совершаемые при строительстве жилищ многочисленные обряды. Новый год требовал повторения всех действий заново, и таким образом его наступление сводило на нет стремление людей создать безопасное в магико-религиозном отношении жилище. Оно уже не считалось пригодным для людей.

При этом надо иметь в виду, что в литературе, в том числе и специальной, распространилось представление о годе по юлианскому календарю /состоявшему из 365 дней/, в то время как вайнахи пользовались собственным календарем. Поэтому под сроком в один год подразумевался период, охватывавший три времени — весну, лето и осень /зимой активная хозяйственная деятельность прекращалась/. Строительство башни должно было начинаться с нового года — 21 марта и завершаться до его истечения, то есть 23 декабря.

Крыша казачьего дома обычно завершалась коньком, окна — резьбой [3, с. 109]. В прошлом эти солярные символы играли роль оберегов, защитников от нечистой силы [26, с. 468—469, 486]. Солярные изображения над дверными и оконными проемами зафиксированы и в древнейших вайнахских постройках [27]. Это было связано с тем, что после того, как дом был построен, нечистая сила могла проникнуть внутрь только через входные двери и окна, но этому должны были воспрепятствовать «солнечные» символы. Кроме того, казаки «от порчи» ставили кресты на дверях. При входе в дом обязательно молились и творили крестное знамение.

Однако некоторые резные элементы в убранстве старых вайнахских жилищ некогда имели не только символическое значение. Над дверными проемами в таких домах часто оставляли отверстия или их имитацию в виде одного или трех треугольников, составлявших фигуру большего размера. Информаторы объясняют наличие сквозных отверстий тем, что они якобы, оставляются для пролета ласточек, проживание которых рассматривалось как признак благости жилища. Представляется, однако, что это позднейшее толкование не раскрывает всего существа вопроса, а указанные элементы являются реминисценцией дуговидных арок над оконными и

дверными проемами. Раньше, по утверждению информаторов, арки делились на шесть равновеликих частей и играли роль своеобразных солнечных часов. При сооружении помещения высота стен и проемов подбиралась таким образом, чтобы в дни осеннего и весеннего равноденствия в полдень луч света, проникавший сквозь эти отверстия, попадал в очажную яму /очаг/. При этом в период от весеннего до осеннего равноденствия луч света «гулял» в ближней к дверному проему половине помещения, а остальные полгода, во второй половине, в глубине помещения. Время светового дня определялось по нахождению луча солнца на полу относительно того или иного сектора, образованного поперечными балками потолка.

Переход в новое жилище сопровождался многочисленными обрядами.

Так, у казаков перед новосельем в доме на ночь оставляли кошку или петуха /иногда кошку и петуха вместе/ [28; 29; 30]. Это связано со славянским поверьем: кто первым войдет в новый дом, тот в течение года умрет. Таким образом, необжитый дом представлялся еще «нечистым», таящим в себе разные опасности. По мнению А. К. Байбурина, указанные живые существа в данном случае выступали ритуальными двойниками человека [1, с. 104—105].

Однако следует отметить и то, что такой выбор животных не был случайным. Кошки, по славянским воззрениям, связаны с нечистой силой, петух же, наоборот, считался вестником света, прогоняющим своим криком всякую нечисть [31, с. 54—55].

В новый дом старались перейти перед восходом солнца, чтобы восход встретить уже там [ср.: 15, с. 133]. Заранее вносили квашню с тестом, чтобы «богато жить». Затем входили священник с иконами, хозяин с лаптем /«с домовым»/, хозяйка с хлебом-солью [5, с. 385—386]. Священник освящал дом святой водой, совершал молебен, кроме того по углам дома ставили четыре стакана пшеницы, внутрь которых помещали и зажигали свечи. Первый, кто входил, бросал в угол серебряную монету [28; 29; 12].

Примечательные предметы, которые сразу вносили в дом /тесто, пшеничное зерно, хлеб/. Они издавна символизировали богатство, изобилие [ср.: 1, с. 115].

Затем в красный «святой» угол закапывали букетик цветов, чтоб «хата цвела» /по принципу имитативной магии/, на угол дома хозяйка клала кусок грязи, «чтоб во дворе велось» [5, с. 386].

У вайнахов на ночь перед поселением в новый дом помещали петуха и после того, как он кукарекал перед восходом

солнца, запускали кошку. Затем в дом входила старшая женщина, неся тлеющие угли со старого очага и «гиба» /горшок из-под масла/. Но, прежде чем войти, она опускала через порог горшок, и если на последний при этом успевало упасть несколько капель масла, это считалось добрым предзнаменованием. После этого женщина резала около очага петуха и его кровью кропила углы и проемы окон и дверей нового дома, а остатками масла смазывала дверные «пятны», а после появления петель — и петли.

До восхода солнца она должна была успеть развести огонь в очаге и замесить тесто. В огонь при этом бросались копчик курицы и концы крыльев зарезанного петуха.

Перед восходом солнца у порога дома собиралась вся семья. При этом мужчины держали в руках по три ветки дуба и граба, а женщины — по три ветки тиса и березы. С восходом солнца они входили в дом — сначала женщины, бросавшие в огонь по одной тисовой ветке и все березовые, а затем и мужчины. Последние складывали дубовые ветки к опорному столбу, а ветки граба — в красный угол. Оставшиеся тисовые ветки раскладывали по углам и под стены.

Любопытно, что у вайнахов обряд обживания нового дома тесно связан с обязательным внесением в дом венка /«нуй»/. Еще в старом доме на полу заранее раскладывалось несколько венков и трое суток старшая из женщин наблюдала за поведением кошки по отношению к венкам. Какой-то из них кошка обходила, через какой-то перепрыгивала, а каким-то играла или ложилась на него. Именно последний венок и выбирался для внесения в новый дом. Венок обрызгивали теплой водой из настоя разных трав — душицы, цветов тыквы, шиповника. Подбор последних был не случаен — тыква считалась символом быстрого и здорового роста, душица — символом здоровья. После этого венок пеленали, подобно ребенку и торжественно переносили в новый дом.

Вообще с венком у чеченцев связано немало суеверий — его никогда не ставят, а только кладут /метлу обязательно ставят/, венок, которым метут в доме, нельзя выносить во двор и т. д. До сих пор бытует поверье, что в дом нельзя сразу приносить два венка, иначе в дом придет вторая жена. Венком нельзя дотрагиваться до человека, особенно ребенка — иначе он не будет расти. На венок нельзя наступать — «иначе не будет счастья» и т. д.

Новоселье у казаков сопровождалось обильной трапезой, призванной упрочить взаимоотношения семьи с родственниками и соседями. Обязательными были и дары. Так, отец выделял сыну скот /корову, овец/, птицу /в зависимости от сос-

тоятельности/, родственники также дарили птицу или молодняк [8; 12; 32].

По мнению казаков-старожилов, отношение к родительскому дому раньше было чрезвычайно уважительным. Сноху сначала приводили в родительский дом, а затем уже глава семьи решал вопрос об отделении и строительстве нового дома [12; 25].

Следует отметить, что определенной магико-религиозной семантикой был наделен не только дом в целом, но и отдельные части и элементы внутреннего пространства.

У вайнахов главную роль внутри жилища играл очаг и связанные с ним предметы /котел, надочажная цепь, зола и др./. Примечательно, что такие термины, как огонь, имя, дом, чистый и др. происходят от одной основы «це» [33, с. 72—73]. Культурная роль очага ясно прослеживается в той роли, которую он играл в клятвах, свадебных и иных обрядах, обычном праве и т. д. [9, с. 120; 4, с. 140].

Так, например, именно очаг определял у чеченцев традиционно более почетную и менее почетную стороны. Так как ориентация входов в жилище была строго predetermined традицией [34, с. 53] /север и запад в этом смысле крайне нежелательны/, то очаг устраивался по правую сторону от входа, и она считалась женской половиной, следовательно, «барч» /красный угол/, должен располагаться по левую сторону от входа и от очага. Правда, в советский период, с проникновением урбанизированных форм, в жилище место очага стало перемещаться к входу и «барч» стал считаться самым отдаленным углом от порога /«неI — саIа»/, который изначально был самым престижным местом в доме.

При горизонтальной планировке жилого помещения отпавшими точками служили дверной проем, традиционно расположенный по середине фасадной стены и очажная яма, располагавшаяся, как правило в центре. Прямая, проходящая через эти условные в наши дни точки, делит комнату на левую — мужскую «аьру» и правую «аьту» женскую половины. Перпендикулярно ей через центр проходит другая условная линия, которой комната подразделяется на верхнюю — «лакхе» — почетную /что в глубине помещения/ и нижнюю — «лахе», непристижную /у двери/. Каждый из четырех секторов имел свой статус, наиболее значимым был «барч». Интересно, что при проходе в красный угол мужчины должны были проходить не по краткой прямой, а по кривой, огибая очаг правым плечом вперед из наименее престижного сектора — правого ближнего у входа, через женскую почетную, что в правой дальней части помещения.

Жилище имело определенные правила планировки и по

вертикали, что соответствовало троичности мировосприятия вайнахов, при котором пол /«цѣнкъа»/ считался границей «нижнего» мира. Не случайно еще совсем недавно, после того, как полы стали стелить доской, люди пожилого возраста не позволяли искать и поднимать все то, что проваливалось между разошедшимися досками, закономерно считая, что это стало достоянием предков.

У казаков место, где разводился огонь — печь, также играло определенную роль в магико-религиозных обрядах [5, с. 401]. Угольки из печи использовали «от сглаза». Подпечник считался местопребыванием домового. Грудного ребенка, больного «сухоткою» помещали ненадолго в слегка вытопленную печь /«выпекать» немочь/ [17, с. 205; 38, с. 35; 39, с. 61].

Обращают на себя внимание многочисленные обряды казаков, связанные с углами жилища. Это и понятно, ведь с одной стороны они являлись основой жилого пространства, а с другой — могли служить прибежищем темных сил /ср.: выражение «темный угол»/, и поэтому требовали повышенного внимания. Возможно, что некоторые из обрядов возникли под влиянием вайнахов, у которых углы также считались пристанищем нечистой силы. При первичной обмазке углов чеченцы добавляли «чистую» глину/ со святых могил «зерат»/, яичную скорлупу, ячменные зерна. В случае болезни изгнание злых духов путем окуривания начиналось с углов. При трудных родах хвостом жертвенного животного ударяли также по углам [20, с. 53].

У казаков священным считался красный угол хаты /справа от входа/, где помещались образа, лампада/ у старообрядцев — пелена и лестовки/. Под ними устанавливали стол, покрытый белой скатертью, на нем лежали книги религиозного содержания [35, с. 140; 36, с. 112; 37, с. 231]. Эта часть дома по своей семантике приравнивалась к алтарной части храма и как бы повторяла его [1, с. 154].

Здесь в красном углу помещали невесту перед тем, как вести ее к жениху, головой под образа помещали покойника [5, с. 329, 353].

По мнению исследователей, христианские образа в красном углу заменили прежнюю языческую божницу, в которой некогда важное место занимал идол домового [26, с. 498].

По верованиям казаков, как и других восточных славян, домовый имелся в каждом доме/ скрывался в подпечнике или в углу под веником/ и являлся его покровителем [39, с. 61]. При переселении обязательно перевозили и домового. Традиционной была формула приглашения его: «Мой домовый, пойдем со мной» [14]. На Тереке сложились особые обряды перевозки домового. Ему предлагали сесть в запряженную парой

волов телегу, затем ее вывозили со двора и предлагали домовому дальше идти пешком, так как-де волю выбились из сил [31, с. 96]. Переход домового в новое жилище также приурочивали в ночь под день Ивана Постного /29 августа/. Придя в свой старый дом, хозяин одевался в одежду наизнанку, шел в хлев, трижды читал молитву «Богородице, Дево, радуйся», вынимал из старых ясель кол и говорил: «Мой домовый, пойдем со мной домой». Затем приносил и втыкал кол в новые ясли, переодевался и зажигал в доме новую свечу [39, с. 62]. Очевидно, переодевание, как и молитва были вызваны стремлением обезопаситься от нечистой силы, появившейся в старом, необитаемом доме.

У других групп восточнославянского населения от образа домового отдифференцировались т. н. дворовые, хлевники, овинники и др. [31, с. 96]. У казаков же домовый рассматривался как покровитель всего домашнего хозяйства, в том числе и покровитель скота. Бытовало представление, что если он ухаживает за лошадей, заплетает ей косы, значит он любит ее, и она долго будет служить хозяину, если же нет, загоняет ее [28; 40, с. 173—174].

Считалось, что все в доме /и хорошее, и плохое/ от домового, от него зависит благополучие семьи [28]. На него нельзя роптать, иначе он сделает беду. Если домовый по какой-то причине невзлюбит хозяина, то душит его по ночам, заезжает лошадей, мучает рогатый скот, душит кур и др. [38, с. 28; 39, с. 61—62; 40, с. 174].

Казаки верили, что домовый может предвещать счастливые и несчастные события. Если домовый давит на спящего человека, проснувшись, тот должен спросить: «К худому или добру?» Если в ответ — хрип — быть беде [28; ср.: 1, с. 109].

Бытовали другие гадания и суеверия, связанные с домовым. Если ночью мучают кошмары, человек должен уступить свое место домовому. Если домовый щиплет — к болезни, если оставляет человеческие следы — к беде.

Считалось, что увидеть домового можно на страстной седмице или в вербное воскресенье, если с зажженной в церкви свечой обойти дом [38, с. 29].

В этнографической литературе давно утвердилось представление о домовом, как духе—покровителе семьи. Этот образ рассматривают как пережиток древнего культа предков. Недаром его называли «хозяином», «дедушкой» [31, с. 94, 97; 39, с. 61] и в «языческие времена» изображали в виде деревянного бородатого идола в шапке [26, с. 498—499]. Позднейшие взгляды казаков на домовых также сохранили дохристианский характер.

В литературе неоднократно отмечалось, что жилища каза-

ков испытали заметное горское влияние, что сказалось на их внешнем виде, строительном материале, технике строительства, внутреннем убранстве и т. п. [2, с. 15, 17]. Однако «идеология жилища» /по С. А. Токареву/ осталась в основном восточнославянской. Заимствования в материальной сфере не вызвали соответствующих изменений в элементах духовной культуры — основном показателе национального своеобразия.

Рассмотренные выше представления и обряды вайнахов и казаков, связанные с жилищем, при всем их своеобразии имеют и много общего. Это прежде всего единая направленность магико-религиозной символики, призванной обеспечить безопасность дома и семьи от влияния злых сил, ее благополучие и процветание. Это и особое внимание к выбору места строительства, его началу и окончанию и т. п. Значительное сходство наблюдается и в обычаях взаимопомощи.

Общие подходы к сооружению жилища не следует, на наш взгляд, объяснять только заимствованиями и взаимовлияниями /хотя и отрицать их полностью нельзя/. Ведь большинство обрядов и представлений, относящихся к жилищу, носят явно выраженный домонотеистический характер, а известно, что принципы «языческого мышления» у различных народов обнаруживают поразительное сходство. В данном случае аналогичными были воззрения, связанные с имитативной и апотропической типами магии.

Следует отметить, что данная статья поднимает, но отнюдь не исчерпывает тему. Кроме того, жилище в системе духовных представлений не было ограничено лишь магико-религиозной функцией. Оно воплощало в себе определенные эстетические взгляды, национальные и региональные особенности, с ним были связаны нормы поведения, семейные традиции и т. п. [см.: I, с. 8—9]. Все это нуждается в дальнейшем исследовании, что позволит рассмотреть жилище в действительном единстве его материальной и духовной сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
2. Заседателева Л. Б., Мунчаева Т. Г. Развитие типов поселений и жилищ русского и украинского населения Причерных районов Северного Кавказа /с середины XVI по начало XX в./ //Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.
3. Радченко И. К. Поселения и жилища гребенских казаков /по материалам станицы Старогладковской/ //Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.
4. Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX вв. М., 1982.
5. Заседателева Л. Б. Терские казаки /сер. XV — начало XX в./ Историко-этнографические очерки. М., 1974.

6. Бутова Е. Станица Бороздинская. СМОМПК, вып. 7. Тифлис, 1889.
7. Чеботарева В. Г. Календарный обряд и календарная обрядовая поэзия казаков Терка. //Некоторые вопросы русской и вайнахской филологии, сер. филологическая. № 34, вып. 17, Грозный, 1972.
8. Инф. Тихонов Николай Васильевич, 1908 г. р., уроженец ст. Червленной. Все материалы по казачьей этнографии для статьи собраны в ст. Червленной.
9. Хасбулатова З. И. Жилище и семья у сельского населения Чечено-Ингушетии в XIX—XX вв. //Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984.
10. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963.
11. Хасбулатова З. И. Некоторые формы взаимопомощи, связанные с хозяйственным и семейным бытом чеченцев и ингушей в конце XIX — начале XX в. //Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
12. Инф. Пимичев Виктор Парфентьевич, 1910 г. р.
13. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.
14. Инф. Рогожин Иван Михайлович, 1925 г. р.
15. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. //Восточно-славянский этнографический сборник. М., 1956.
16. Чакхиев Д. Ю. Общие и специфические черты в башенном строительстве Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. //Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
17. Семенов П. Станица Слепцовская. СМОМПК, вып. 5. Тифлис, 1886.
18. Инф. Кучукова Мария Лифантьевна, 1925 г. р.
19. Инф. Кучукова Варвара Васильевна, 1922 г. р.
20. Хасиев С.-М. А. Традиции и новации в жилищном строительстве вайнахов. //Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
21. Бараниченко Н. Н., Чакхиев Д. Ю. Культ гор, камней и минералов в религиозных воззрениях чеченцев и ингушей в прошлом. //На непримиримых позициях. Грозный, 1985.
22. Хасиев С.-М. А. Календарный год у вайнахов. //Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М., 1974, ч. I.
23. Хасиев С.-М. А. К традиционному отсчету времени у вайнахов. //Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в до-революционный период. Грозный, 1981.
24. Инф. Гайтамиров Дауд, 1910 г. р., сел. Беной.
25. Инф. Дмитриев Алексей Иванович, 1919 г. р.
26. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
27. Кобычев В. П. Летопись гор. //Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1974.
28. Инф. Никитина Клавдия Ивановна, 1914 г. р.
29. Инф. Денискина Надежда Аристарховна, 1909 г. р.
30. Инф. Молоченкова Феодосия Михайловна, 1916 г. р.
31. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М.-Л., 1957.
32. Инф. Молоченков Иван Федорович, 1913 г. р.
33. Исламов А. А. Вайнахские культы огня и плодородия как явления матрилинейного порядка. //Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т.IX, вып. I. Грозный, 1972.

34. Хасиев С.-М. А. Традиции и новации в жилищном строительстве вайнахов. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.

35. Востриков П. А. Станица Наурская. // СМОМПК, вып. 33. Тифлис, 1904.

36. Ткачев Г. А. Станица Червленая. Исторический очерк. // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912, № 7—12.

37. Ржевуский А. Терцы. Владикавказ, 1888.

38. Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев. // СМОМПК, вып. 37. Тифлис, 1907.

39. Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей станицы Червленной. // СМОМПК, вып. 16 Тифлис, 1893.

40. Семенов П. Несколько страничек из жизни казаков ст. Слепцовской. // СМОМПК, вып. 16. Тифлис, 1893.

З. И. Хасбулатова, С.-М. А. Хасиев

О НАРОДНЫХ ПРИЕМАХ ВОСПИТАНИЯ ЗДОРОВОГО РЕБЕНКА У ЧЕЧЕНЦЕВ

Народные приемы и методы, связанные с воспитанием здорового ребенка, занимают заметное место в традиционной этнографии чеченцев, являясь существенной частью традиционной народной культуры. Исследование их имеет большое практическое и научное значение. Статья написана на основе полевых этнографических материалов, собранных авторами в разных районах республики. В этнографической литературе пока нет специальных исследований, хотя авторы уже обращались к данной теме [1].

По традиционным представлениям чеченцев сущность человека состоит из трех начал: физическое — «чарх», душевное — «са» и умственное — «хьекъал». Гармоничной может быть лишь та личность, у которой все три начала занимают соответственно отводимые им по иерархии места, взаимодополняя друг друга. Ведущее место отводится категории «са», подчиненное — «чарх». «Хьекъал» же несет по народным представлениям отпечаток двойственности и если оно «примет» сторону «чарх», то человек становится рабом своей собственной плоти.

Следует заметить, что в вайнахском менталитете здоровье — состояние, ни с какими материальными благами не сопоставимое. Не смогло поколебать это представление и внедрение в вайнахскую среду мировых религий, которые рассматривают болезни как нечто ниспосланное свыше для испытания стойкости в вере. Характерно, что чеченец, проявляя традиционное сочувствие к больному, всячески скрывает от окружающих собственные страдания, подчеркивает всеми возможными

способами свое здоровое состояние, так как болезнь воспринимается как нечто унижительное, недостойное человека.

Интерес представляет вайнахская терминология, связанная с физическим состоянием человека. В традиционной формуле приветствия «Могуш-паргIат, могуш-марша» понятие «мочь (здоровье)» имеет несколько значений — удобно; спокойно; свободно [2, с. 302; 335]. Одним словом, здоровье и свобода представляются как состояние активного действия, тогда как болезнь (цамгар) воспринимается как остановка, обессиливание человека (от «ца могуш» — дословно «не могу, не мочь»). Соответственно этим представлениям о сути человека вайнахи предпринимали все возможное, чтобы ребенок рос и развивался гармонично.

Таким образом, здоровье человека выходит далеко за пределы его физического начала и потому требует разнообразия приемов и методов воспитания, профилактики, лечения и т. д.

Традиционные народные представления предполагают, что получить полноценное здоровое потомство возможно лишь в том случае, если супруги живут в любви и согласии. Со стремлением создать гармоничный брак у чеченцев был связан институт «синкъярам» с многочисленными ступенями ссужения круга знакомств до выхода замуж и женитьбы [2]. Рассматриваемый институт дает возможность девушке выбрать будущего супруга в той же степени, что и мужчине. Недаром чеченская пословица утверждает, что воспитание ребенка начинается со дня знакомства будущих родителей. Основой рождения и воспитания полноценного потомства считалась взаимная любовь, мир и согласие в семье. К не менее важным факторам следует отнести и доброжелательное отношение к молодой женщине — снохе со стороны родственников мужа. Особую заботу предписывалось проявлять к беременной: ее всячески оберегали и оберегают от расстройства, стрессовых ситуаций, удовлетворяют все ее прихоти — в пище, в одежде, в чем ли бы нином.

Важную роль в представлениях чеченцев играл внешний облик (что обозначается терминами «куц», «кеп»), который непосредственно связан с природными данными человеческого тела. Полностью изменить их нельзя, но физическими упражнениями, закалкой их можно формировать, развивать. Например, для приобретения осанки и походки, приближенных к идеалу, девочку или мальчика с пятилетнего возраста ставили к стене таким образом, чтобы она /он/ касалась стены пятками, ягодицами, лопатками и затылком, и, заставляли, сохраняя это первоначальное положение тела с развернутыми плечами, доходить до противоположной стены и обратно. Подоб-

ные упражнения под руководством старшего проводились до совершеннолетия, и иногда и после.

Чеченки издавна носили ребенка за спиной. что способствовало успешному развитию его тазобедренных суставов. Позднее медицинской наукой было доказано, что чем выше от поверхности земли находится ребенок до 2-х лет (другими словами, чем больше он видит), тем быстрее происходит развитие ребенка в этом возрасте. После 6-ти месяцев считали необходимым хотя бы раз в день подбрасывать ребенка на руках, желательнее в стоячем положении, а после купания поддерживать головой вниз и стукнуть несколько раз по пяткам. Желательным считалось также, чтобы в неделю раз мать брала ребенка на руки грудью вниз, начиная с месячного возраста. Ныне педиатры считают, что эти процедуры являются хорошей профилактикой от легочных заболеваний, способствуют развитию вестибуляторного аппарата и т. д.

На многих языках мира, в том числе и у чеченцев семантика слова воспитать «кхетор», «кхиор» равнозначна понятиям: растить, поставить на ноги, обучить, привить какие-то качества, навыки т. е. сделать человеком — «адам хилитар». Люди старшего возраста отмечают, что поведение ребенка, а также уровень развития и способности ребенка наследуются от родителей, поскольку они являются их частицами. Вайнахи считали, что умственное развитие человека, начиная с детского возраста продолжается до 67 лет, и после этого начинается обратный процесс. Как проявление у детей «ума», воспринимался период, когда дети начинали совместные игры, т. е. лет с пяти. Они давали друг другу какие-то советы, свободно разговаривали, придумывали разные игры. Этот возраст чеченцы считали определенным этапом в развитии умственных способностей, называя «хьекъал къаьста хан».

Дети этого возраста независимо от пола объединялись в одну группу — «кегий бераш» и здесь происходили совместные игры. С 5—6 лет практически начиналась трудовая направленность воспитания ребенка, но это не значит, что их с этого возраста заставляли работать. С ранних лет мальчиков обучали пастьбе скота, девочек шитью одежды, обработке шерсти, уборке комнат, приготовлению пищи. Уже к 10—11 годам маленькие пастухи могли и умели самостоятельно верхом на лошади или пешком пасти скот, овец, достаточно хорошо ориентироваться на местности. Мальчики знали и соблюдали правила перегона скота, овец, определяли места перегона. В процессе трудового воспитания основным было приобщение детей ко всему циклу работ в животноводстве. Для будущей самостоятельной деятельности практически каждый ребенок получал с раннего возраста необходимые знания путем вовлече-

ния в круг работ взрослых посредством небольших посильных нагрузок.

С 10 лет мальчики в тех районах, где чеченцы занимались скотоводством и земледелием, помогали родителям при вспашке и бороновании земли. Они управляли тягловой силой, сидя верхом на быках или лошадях. Мальчиков рано отцы приучали к нужной последовательности седловки коня. Чеченские мальчики рано овладевали правилами верховой езды.

Известно, что чеченцы занимались в прошлом и охотой, имевшей некоторое значение в хозяйстве. И безусловно, в таких семьях, мальчиков привлекали к охоте со старшими и от них они узнавали о повадках животных, о том, когда на них (зверей) лучше охотиться и др. С раннего детства ребенок приучался переносить всяческие лишения: холод, голод и т. п.

Как мы отмечали, смысловое значение чеченского слова «кхиина», «Іамийна» значительно шире таких понятий как «кормить», «растить», «учить» и др. Видимо, кроме стремления физического развития ребенка понятия «кхиина», «Іамийна» включают в себя и воспитание таких моральных и нравственных качеств, как порядочность, честность, уважение к старшим, трудолюбие и др.

Вайнахи начинали воспитывать детей с раннего детства. По этому поводу они говорили: «Жимчохъ Іемина хІума тІулга тІе яздина йоза санна ду» — усвоенное в детстве, как высеченное на камне. Обычно в раннем возрасте воспитанием детей занимались женщины. Затем уже в более старшем возрасте мальчиков воспитывали мужчины. Важнейшую роль в воспитании играла семья, в которой традиционно большую власть имели старшие, где отец имел власть над детьми, муж над женой и др. Положительный пример старших, их правдивость, сила, мужество, умение работать играли главную роль в воспитании трудолюбивых, физически развитых и нравственно устойчивых молодых людей.

Определенную роль в воспитании играли пословицы и поговорки, сказки и притчи о труде и трудовом воспитании, которые относились к устойчивым формам и были как бы своеобразным кодексом, отражающим основные принципы и требования. В качестве примера можно привести следующие: «Муьлхха а болх бар эхье дац», «эхь ду болх ца беш мукъа лелар, нехан диканах хьегар» — любая работа не позорна, позор бездельничать; «хьо мел хьекъал долуш хиларх, хьо мел ницкъ болуш майра хиларх — адамашна пайдехъа тІулакх деш хьо вацахь, нахана стаг хетар вац» — самый умный, самый гордый, самый богатый и сильный, если он не будет полезен народу, людьми не будет признан; «сий дайна, эхъа хетташ вехачул, сийлалхь валар ду тоьлаш»; «стеган сий ахчанах

эцалуш дац, ахча кара дIадолу. Сий долчунна дусу. Сий долуш воу стага, ирча велахъа а, хаза ву» [3, с. 108, 109, 140].

Отметим, что если в пословицах и поговорках содержались представления о народном идеале, то игры отражали непосредственные практические методы и средства, посредством которых происходило воспитание. В них в своеобразной и в некоторой степени упрощенной форме находила отражение действительность во всей ее многогранности. Игра была не только обобщенной формой педагогических методов и взглядов народа на воспитание, которая передавалась из поколения в поколение.

Она по своему характеру, целям и задачам несла различную нагрузку: воспитание трудолюбия, выработки сноровки, ловкости, быстроты, развитие умственных способностей и формирование нравственных качеств. Таким образом, игры имели различную направленность в зависимости от возраста детей. Игра приучала ребенка к тем физическим и психологическим усилиям, которые необходимы для работы, в процессе игры формировались в некоторой степени и качества будущего специалиста.

Чтобы продемонстрировать сказанное, остановимся на игре в колышки «хьостамех ловзар». Начинали, как правило, весной после таяния снега и играли, пока почва бывала сырой. Смысл игры заключался в том, чтобы сбить на землю колышек соперника, который затем забирался. Игроки пользовались разными приемами, которые способствовали всестороннему развитию мышц руки плеча, которые необходимы в бою для умелого владения холодным оружием.

Воспитанию волевых и человеческих качеств способствовали и другие игры чеченцев «хIурре молла», «куй биллар» и т. д.

Процесс воспитания имел непрерывный и многосторонний характер, в зависимости от социального положения, пола и возраста объекта воспитания. Внушение и убеждение, а также личный пример старших считался одним из важных методов. Безусловно, чеченцы личный пример понимали в самом широком смысле, от привычки вести себя, говорить, стоять и, кончая поступками этического характера. Таким образом, чеченцы большое значение придавали привитию высоко нравственных качеств, таких как честность, скромность, вежливость, уважение к родителям, старшим, гостю, слабому, убогому и т. п. С понятием честность и правдивость у чеченцев связывалось понятие о силе человека. «Если честен, то силен» [4]. Во всех поступках и делах от детей требовалась правдивость,

скромность и вежливость. Эти и другие требования выражают пословицы: «Если даже горько, говори правду», «Сидеть можешь криво, но говори прямо», «То, чего не можешь сделать, не говори, а раз сказал, то сделай», «Сумей сдержатъ слово» [4], «Дикаду гIилакхо лех эла вина, вочу амалуо элах лай вина» — вежливость из раба сделала князя, а плохой нрав из князя сделал раба [5, с. 83—84].

У детей вырабатывались сдержанность (самое лучшее в нраве — сдержанность, выдержка), разумное терпение. Их учили быть скромными: «Ша шех лаьчна дуйцург нахана кIордадо. Хъайх лаций нахе дийцийта, айхъа ма дийца» — не хвали сам себя, если ты хорош, тебя и так заметят [5, с. 80]. Народная педагогика чеченцев резко осуждала себялюбие, самовосхваление, зазнайство, хвастовство, чванство, зависть, корыстолюбие, ложь, воровство и другие пороки, чуждые народным представлениям о высокой нравственности. Народ осуждал самовосхваление («Кто зазнался, тот стал последним»). Конечно, в младшем возрасте в жизни ребенка личный пример играл меньшую роль, хотя с самого раннего детства поступки старших (родителей, деда, бабушки, старших братьев и сестер), их взаимоотношения являлись как бы теми моделями, по которым становились, формировались характеры этих детей. Думается, что в воспитании большое значение придавалось не только внешним поведенческим, но и внутренним нравственным мотивам воспитателей, в первую очередь родителей. Считалось, что старший должен быть по отношению к младшему более терпеливым, сдержанным, и в то же время достаточно строгим. Но, с другой стороны, это конечно, не означало повышенной опеки, вплоть до ущемления определенной свободы детей, подростков, юношей. Бывало, что старшие, пользуясь своими правами, без причины ругали младших, тогда присутствующие без ущемления достоинства его (старшего) старались его успокоить, т. е. это было своего рода саморегулятором в общественной нравственности и одновременно как бы самоконтролем за собственным поведением: личный пример старшего всегда должен был основываться на объективности, на строгой ответственности каждого за свои поступки. Вайнахи считали признаком надлежащего нравственного воспитания умение считаться с другими, войти в их положение: «Хъайх тешна диснарг шеконца ма диталахъ. Шеко йолуш дисначо синтем ца бо. Синтем боцуш дерг тешам боцуш ду» [5, с. 61] — то, что поручено необходимо довести до конца, то, что сделано до конца не вызывает сомнений.

При взрослении подростки, молодежь начинают понимать или воспринимать те изменения, происшедшие или происходящие в культуре или субкультуре, к которой они от-

носятся. Восприятие идет часто как непрерывный и живой процесс, в котором данные субъекты выступают как их активные творцы, носители культуры или субкультуры. В том случае, когда обычное и привычное меняется резко, сразу, то это воспринимается как нарушение установившихся обычаев. И если к постепенным изменениям чеченцы относились как к необходимости, обычному явлению, то к каким-то резким сменам одних обычаев другими они подходили настороженно и рассматривали как отступление от обычаев.

Укажем и на то, что в воспитании подрастающего поколения в нравственном отношении значительную роль играли обычаи избегания, впрочем, известные почти всем народам Кавказа, в том числе и чеченцам. Под их влиянием естественным образом развивались некоторые стереотипы взаимоотношений между членами семьи и их родственниками; нарушение некоторых созданных в течение поколений внутрисемейных взаимоотношений считалось и считается среди некоторой части сельских семей нарушением обычаев, нравственных устоев.

Отметим, что одним из методов нравственного воспитания считалось поощрение, которое должно было способствовать развитию положительных черт в поведении и побуждать желание вести себя лучше. Значительную роль в воспитании подрастающего поколения играл этикет — правила поведения дома, в гостях, на улице, в общественных местах. Обычаем предусматривалось все — речь, лексика, жестикулирование, поза говорящего. В целом, воспитание детей в соответствии с традиционным этикетом регламентировало поведение всех членов общества в зависимости от пола, возраста семейного и общественного положения. Все мероприятия, связанные с этикетом, составляли в арсенале средств воспитания единое целое. Осознанность целей воспитания, однотипность этических правил способствовало в комплексе всестороннему развитию подрастающего поколения, вырабатывало определенную ее системность. В основе воспитания лежали народные знания, проверенные жизненным опытом. Этикет, который складывался в течение длительного периода времени и соответствовал тем социально-экономическим условиям, в которых он появился и существовал у чеченцев, таким образом, играл существенную роль.

Основными средствами, методами воспитания были: убеждения, наставления, поучения. При этом главное внимание уделялось выработке таких привычек как терпение, упорство, настойчивость, сознательность, уважение к родителям, старшим, усвоение этикета поведения и др. Эти приемы воспитания подрастающего поколения соблюдались как в семье, так и в обществе. Они развивались путем регулярного повторения и передачи из поколения в поколение силой общественного мне-

ния. Положительные традиции народного воспитания, особенно связанные с трудовым воспитанием, традиционным этикетом, обогащают арсенал воспитательных средств современной научной педагогики и в этом их практическое значение. Нравственное начало занимало ведущее положение и в других сферах жизни. Посильное участие всех от мала до велика в труде было поставлено во главу угла воспитания.

Таким образом, в традиционной культуре чеченцев выработалась целая система воспитания и развития ребенка на основе духовного, умственного и физического начал. Соответственно этому здоровье личности воспринимается многосторонним, профилактика и лечение человека требовали различных подходов, методов и приемов, что и применялось в повседневной жизни. Система воспитания основывалась в первую очередь на реальных, относительно суровых условиях жизни чеченцев — земледельцев и скотоводов. И в то же время чеченское общество располагало достаточно высоким духовным потенциалом, воздействующим на формирование его граждан. Формы духовной культуры — устное народное творчество (сказки, пословицы и поговорки и т. д.), этика, мораль, находились в тесной взаимосвязи с социально-экономическими условиями. Духовно обоснованная, рациональная и наполненная система воспитания ребенка была большим достижением традиционной культуры чеченцев, и имеет непосредственное практическое значение и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хасбулатова З. И. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; она же: О народном воспитании у вайнахов в XIX—XX вв. // Археология и краеведение вузу и школе // Вторая региональная научно-практическая конференция. Грозный, 1985; она же: Элементы семейного воспитания в вайнахском фольклоре // Археология и краеведение вузу и школе / Третья региональная научно-практическая конференция. Грозный, 1989; она же: Важнейшие обряды, связанные с рождением и уходом за детьми. Традиции и современность // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988—1989 гг. Тезисы докладов, часть 2, Алма-Ата, 1990.
2. Хасиев С. А. Институт ухаживания чеченцев / по материалам второй половины XIX — начала XX в. // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1982.
3. Берсанов Х.-А. Гиллакхийн хазна — ирсан некъаш. Грозный, 1990.
4. Полевые материалы авторов, собранные в разных районах республики во время историко-этнографических экспедиций.
5. Алироев И. Ю. Кувшин мудростей. Грозный, 1990.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДАУТОВА Резеда Абдулмуслимовна — старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ.

ВЕЛИКАЯ Наталья Николаевна — старший научный сотрудник отдела истории и теории религии ЧИНИИИЭСФ, кандидат исторических наук.

МАМАЕВ Хамид Магомедович — кандидат исторических наук, ученый секретарь ЧИНИИИЭСФ.

НАРОЖНЫЙ Евгений Иванович — научный сотрудник археологической лаборатории ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

ХАСБУЛАТОВА Зулай Имрановна — кандидат исторических наук, и. о. заведующей отделом археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ.

ХАСИЕВ Саид-Магомед Адамович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ.

ЧАХКИЕВ Джабраил Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии ЧИНИИИЭСФ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АЭС	— Археолого-этнографический сборник
АВЭИСК	— Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа
ВИ	— Вопросы истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДЧИ	— Древности Чечено-Ингушетии
ИСКНЦВШ	— Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
МАД	— Материалы по археологии Дагестана
СКНЦВШ	— Северо-Кавказский научный центр высшей школы
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Е. И. Нарожный, Д. Ю. Чахкиев. Некоторые новые данные о погребальных комплексах XIV века высокогорной Ингушетии	5
Р. А. Даутова, Х. М. Мамаев. Коротохский замок в горной Чечне	20
Д. Ю. Чахкиев. К вопросу о материальной культуре горцев Ингушетии в XVIII в.	41
Н. Н. Великая, Р. А. Даутова, С.-М. А. Хасиев. Представления и обряды вайнахов и казаков, связанные с жилищем (конец XIX — нач XX в.)	61
З. И. Хасбулатова, С.-М. А. Хасиев О народных приемах воспитания здорового ребенка у чеченцев	76
Краткие сведения об авторах	84
Список сокращений	85

Печатается по постановлению ученого совета Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии (темплан 1991 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Х. М. Мамаев (ответственный редактор),
З. И. Хасбулатова, Д. Ю. Чахкиев

Рецензент: доцент кафедры всеобщей истории Госуниверситета Чеченской Республики М. Х. Багаев.

**АРХЕОЛОГИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ**

Технический редактор Г. Г. Якушова
Корректор В. И. Чебоксарова

Сдано в набор. 22.03.92. Подписано в печать. 26.08.92.
Формат 60x84 1/16. Бумага тип. № 3. Печать высокая.
Усл. печ. л. 5,57. Уч. изд. л. 6,0.
Заказ № 1219

Издательско-полиграфическое объединение «Книга»
Государственного комитета по информации и печати Чеченской Республики.
364907, г. Грозный, ул. Субботников, 35.

